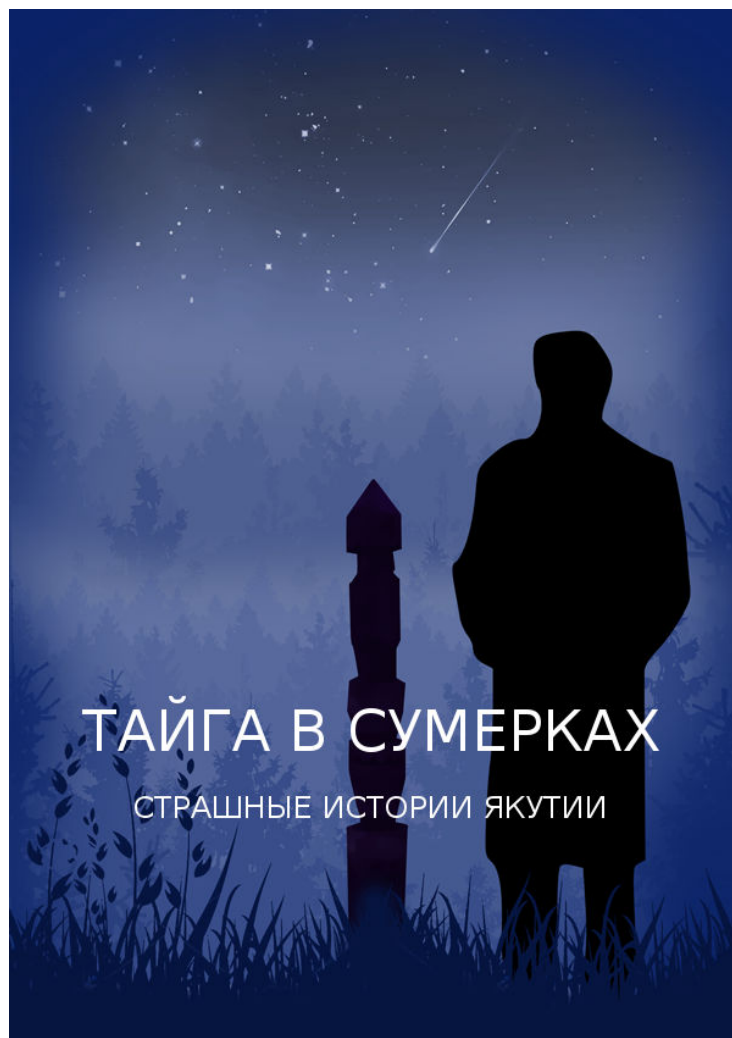

Тайга в сумерках

АННОТАЦИЯ

Злые духи, живые мертвецы, призраки и привидения, снежные люди, шаманские обряды... Сборник «Тайга в сумерках» предлагает читателю окунуться в увлекательный и жуткий мир страшных историй Якутии и испытать мороз по коже от прикосновения к тайнам северной тайги.

СОДЕРЖАНИЕ

[Предисловие](#)

[Очень короткий словарь](#)

Часть 1. Тайга в сумерках

[Неудавшееся гадание](#)

[У безымянной речки](#)

[Невидимый сожитель](#)

[Зомби в Якутии](#)

[Обида Байаная](#)

[Полная судьба](#)

[Гонки в темноте](#)

[Чучуна](#)

[«Абасы меня не уважает»](#)

[Рыжая](#)

[Кони](#)

[Как якут был нечистью](#)

Часть 2. Незримые

[«Бутылочные» люди](#)

[Человек без головы](#)

[Лицо за деревом](#)

[Кэрэх](#)

[Лёгкие деньги](#)

[Обход](#)

[Пожиратель телят](#)

[«Дорогая, я пришёл!»](#)

[Дыхание за окном](#)

[Сундучный вечер](#)

[Звуки ниоткуда](#)

[Незванные гости](#)

[Далёкий осуохай](#)

[Предвестник](#)

[Ужас в доме отшельника](#)

Часть 3. Зов бубна

[Как становятся шаманами](#)

[Удаганша Алысардах](#)

[Тунгусские шаманы](#)

[Шаманы в советское время](#)

[Вечер олонхо](#)
[Мёртвая вода](#)
[Шаман-дерево](#)
[Арангас](#)
[Невыполненный завет](#)
[Последний](#)

[Источники](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это нужно представить. Тесное низкое помещение с неотесанными бревенчатыми стенами. В чадающей глиняной печи с широким дымоходом догорают последние дрова, и слабеющее пламя уже почти не даёт света. По углам потихоньку копится мрак, на потолке танцуют изломанные тени, и даже красные угли в печи в наступающей темноте превращаются в глаза неведомых существ. Перед огнём на деревянном табурете восседает пожилой рассказчик, который тихим, нарочито спокойным голосом продолжает описывать вещи, от которых стынет кровь в жилах, и домашние, рассеявшиеся перед ним полукругом, жадно ловят каждое его слово. За окнами же властвует непроглядный мрак, смешанный с белесым морозным туманом. Если же сделать всего несколько десятков шагов в этот туман, то начинается бескрайняя тайга, тянущаяся до горизонта во все стороны – безмолвная, снежная, заледенелая, но совсем не мёртвая...

Большинство историй, которые вы найдёте в этой книге, берут своё начало именно в такие зимние вечера. В далёкую пору, когда не было ни компьютеров, ни телевидения, и даже обычные книги были невиданной диковинкой, одним из любимых развлечений якутского народа было пересказывание друг другу страшных историй – сочинённых самостоятельно, услышанных где-то краем уха, ну и, конечно же, происходивших на самом деле. Летом люди собирались у костра на поляне, а зимой – возле печи, и ночи напролёт слушали необыкновенные, жуткие рассказы, от которых сладостно замирало сердце. В этих историях привычная тайга преображалась, наполнялась загадкой, и по её бескрайним просторам бродило сонмище злых и добрых духов, с которыми запросто можно было столкнуться, едва выглянув за дверь. Истории кочевали от отца к сыну, из поколения в поколение, не обращая внимание на великие потрясения, которые происходили в мире. И даже сейчас, в начале XXI столетия, в век торжества науки и прогресса, духи тайги никуда не делись – они по-прежнему обитают в северных сумерках и пугают народ.

Трудно вообразить книгу более нечаянную, чем эта. Всё началось с того, что в ноябре 2011 года я начал на одном из анонимных российских форумов своими словами по памяти пересказывать фольклорные истории, которые пугали меня до дрожи в детстве (тогда я жил в маленькой якутской деревне). Читатели выразили интерес, и я вспоминал всё новые и новые страшилки, которыми делился с ними. Мои неумелые пересказы в итоге растеклись по многочисленным сайтам Рунета. Постепенно мой интерес к теме угас, и долгое время я и не вспоминал о своём былом увлечении... и вдруг осенью 2016 года во мне снова пробудился азарт, и я добавил к «коллекции» ещё несколько историй. Вот тут-то я и обратил внимание, что материала накопилось достаточно, чтобы из него можно было составить небольшую книжку. В результате появился этот сборник.

Разумеется, вышеописанное наложило отпечаток на стиль историй. В исходной версии было полно специфического интернет-сленга и ненормативной лексики, но перед включением в этот сборник все истории были тщательно отредактированы, чтобы прочитать их мог любой. Кроме того, сама манера изложения – разговорная, непосредственная, местами даже с шутками-прибаутками – может кого-то оттолкнуть, но я считаю это скорее плюсом: когда эти истории передавали из уст в уста, тоже не заботились о литературных изысках.

Книга разделена на три части. В первой, которая озаглавлена так же, как и книга, собраны классические архетипичные страшилки Якутии, вариации которых люди наверняка рассказывали друг другу ещё столетия назад. Это универсальные сюжеты, которые в зависимости от «обёртки», обеспечиваемой конкретным рассказчиком, могли происходить в любое время – от глубокой древности до наших дней. Именно поэтому в них минимум деталей, герои безымянны, а место и время прописаны лишь легкими мазками.

Вторая часть сборника отличается в этом плане. Здесь вы найдете истории более современные и конкретные, которые имели место либо в советские времена, либо даже в наши дни. Этот раздел называется «Незримые» – потому что именно так («көстүбэт») в Якутии принято называть те природные силы, которые обычно не вмешиваются в нашу жизнь, но иногда – намеренно ли, случайно ли – способны нас сильно напугать своими проявлениями.

Третья и последняя часть, «Зов бубна», содержит несколько занимательных историй о якутских шаманах и немного раскрывает тему шаманизма в Якутии для тех, кто этим интересуется. Не стоит переоценивать эти сведения – никакой академической ценности в них, конечно, нет. Пожалуй, стоит сразу предупредить, что всё, написанное о якутской религии в этой книге – это лишь частное мнение человека, который хоть и рос в якутском обществе с малых лет, но всё-таки не является экспертом-этнографом. Об этом стоит помнить во время чтения.

Внимательный читатель может заметить, что отдельные элементы в историях повторяются из раза в раз, а сюжеты иногда однообразны. Это естественное явление, так как народный фольклор живёт заимствованиями. Я старался отобрать наиболее оригинальные фабулы, но определённая доля самоповторов неизбежна. А ещё те, кто считает, что в любой истории должна иметься «мораль», могут быть местами разочарованы и даже ошарашены. Тут уж я ничего не могу поделать: тайга сурова, местные духи жестоки и мстительны, и даже те из них, кого можно назвать благожелательными, не всегда руководствуются человеческими понятиями о добре и зле.

Отвечу на ещё один неизбежный вопрос: «Какой же это народный фольклор, если в конце книги приведён список источников, и там указаны в том числе и художественные произведения?» Скажу, что писатели Якутии часто используют в своих рассказах народные сюжеты, а тот, кто разбирается в

якутской литературе, заметит, что в списке фигурируют как раз имена-фамилии тех, кто черпал вдохновение в фольклоре.

Ну и перед тем, как завершать предисловие, я хочу выразить благодарность людям, без которых этот сборник не увидел бы свет таким, какой он есть – Антона Сычёва, Ивана Ерохина и Наримана «Абу» Намазова.

В тайге сгущаются сумерки. Пришло время отправиться на прогулку...

ОЧЕНЬ КОРОТКИЙ СЛОВАРЬ

Практически для всех якутских слов и оборотов, которые встречаются в изложенных историях, перевод и толкование приводятся непосредственно в самом тексте. Тем не менее, есть небольшое число основных понятий, которые нужно знать перед тем, как начать чтение.

Аба́сы (абааһы) – фольклорный злой дух, основополагающий элемент почти всех якутских страшных историй. Однозначного определения, чем именно является абасы, нет – этим словом обозначают довольно широкий круг сверхъестественных существ, враждебно настроенных по отношению к человеку.

Ала́с (алаас) – небольшая поляна в тайге. Якуты веками жили, расселившись семьями и родами по подобным полянам, и лишь в XIX веке начали массово мигрировать в деревни и города. Поэтому на полянах-аласах и по наши дни встречается множество старых построек.

Улу́с (улуус) – изначально племенное объединение родов, в современном мире так называются территориальные единицы, на которые делится Якутия. В настоящее время в республике насчитывается 34 района-улуса.

Балага́н (балаһан) – традиционное зимнее жилище якутов, деревянное строение, стены которого с наружной стороны обмазаны глиной и навозом в целях утепления. В большинстве случаев балаган не имел деревянного пола. Балаганы в качестве жилья давно не используются, но большое их количество сохранилось на полянах-аласах и в заброшенных поселениях.

Сэргэ́ – деревянная коновязь перед входом в жилище, имеющая сакральное значение в якутской религии. Сэргэ отводилась роль духовного центра якутского двора. В настоящее время часто выполняет декоративную или символическую роль.

Тойо́н – буквально «господин». Так в Якутии издревле называли и продолжают называть представителей элиты и привилегированных классов независимо от социального строя. Также это слово часто используется в значении «начальник», «руководитель».

Срединный мир (Орто дойду) – согласно якутской космологии, Вселенная разделена на три мира: Верхний мир, где обитают божества и добрые духи («айыы»), Нижний мир, где ютится вся нечистая сила, и Срединный мир – мир людей. В отличие от многих других религий, Срединный мир не рассматривается как арена борьбы сил зла и добра – в идеальном мироустройстве представители каждого из миров должны оставаться в своих границах.

ЧАСТЬ 1. ТАЙГА В СУМЕРКАХ

НЕУДАВШЕЕСЯ ГАДАНИЕ

Коренная якутская вера – это классическое язычество: каждая местность и каждая важная область деятельности наделены духами («иччи»), которые за них отвечают. Впрочем, после включения Якутии в состав России в XVII веке местная вера в какой-то мере ассимилировалась с православным христианством и претерпела значительные изменения, в ней появились элементы теизма. Тем не менее, духи природы никуда не делись. Одними из них и являются так называемые «сюлюкүөнү» («сүллүкүүн»). Считается, что они почти всё время обитают на дне разных водоёмов и никак не взаимодействуют с людьми. Традиции якутской веры не считают их злыми духами, тем не менее, особенно добрыми сюлюкюнов тоже не назовёшь. Их внешность подробно не описывается, но их представляют как водяных чертов – антропоморфных, но обладающих кое-какими «рыбьими» признаками. Выбираются они из-под воды только в определенные дни – во время рождественских святок по ночам, собираются по всяким заброшенным домам да балаганам в отдалении от жилых поселений и там режутся друг с другом в карты. Играют на собственные «подводные» деньги, который выглядят как золотые монеты. Смелчакам из числа людей предписано в святочные дни пойти в какой-нибудь пустой дом и затаиться под столом или ещё где, накрывшись тканью. Нужно только очень хорошо приодеться, ибо пустые дома, конечно, не отапливаются, а в Якутии январские морозы запросто достигают минус пятидесяти градусов. Если повезёт, собрание местных сюлюкюнов будет как раз в этом доме. Когда сюлюкюны соберутся и игровой кон возрастёт, следует закричать изо всех сил и перевернуть стол. Сюлюкюны должны испугаться и разбежаться, тогда уже можно собирать оставленные ими деньги. Только нужно всё это добро истратить в течение трёх дней – потом золото сюлюкюнов превратится в водоросли, чем оно изначально и являлось.

Но присутствовать на собрании сюлюкюнов можно не только для материального обогащения. Во время игры в карты сюлюкюны не молчат, а многословно обсуждают будущие события и судьбы живущего поблизости народа – так что, если внимательно их слушать, можно разжиться ценной информацией о своём будущем и о будущем своих родных. Вообще, это один из видов местных святочных гаданий. Сложно представить, каким человеком нужно быть, чтобы в трескучий мороз пойти в пустой дом и там сидеть всю ночь в ожидании толпы сверхъестественных тварей, но такие люди находятся.

А теперь собственно история. Парадокс: прямого отношения к сюлюкюнам она не имеет, но нужно было всё равно сначала объяснить их сущность, чтобы стал понятен смысл истории.

Итак, Центральная Якутия, январь, святки, лютые морозы. Два молодых крепких брата решают отправиться послушать сюлюкюнов, а если повезёт, то и

деньги их себе прибрать. Так как отношение к увлечению «серьёзными» святочными гаданиями у народа настороженное (всякие девичьи гадания по воску, зеркалам и иглам, конечно, не в счёт), то они никому о своём плане не сообщили, даже родителям. Для вылазки выбрали пустой древний балаган в поляне, который находился недалеко от их деревни. Вечерком, укутавшись в самые тёплые одежды и прихватив с собой пару бутылок водки, братья вышли из дома и направились к месту. Настроение хорошее, вдвоём не страшно, к холоду привыкши – в общем, всё по плану.

Пришли на место, залезли под ветхий стол, укрылись толстым покрывалом. Сидят, шёпотом разговаривают про всякое, время от времени хлеблют из бутылок. Зажечь огонь нельзя – сюлюкюны испугаются и не придут, поэтому только лунный свет через окна льётся. Кстати, деталь: к старым якутским балаганам вплотную примыкает хлев – между балаганом и хлевом всего одна дверь, чтобы в морозы туда-сюда не бегать. И вот братья сидят уже несколько часов, время за полночь, оба уже немногословные, сонные...

Тут заскрипела дверь хлева. Братья насторожились, у обоих одна мысль: вот, начинается, сюлюкюны собираются. Некоторое время всё было тихо, потом опять дверь хлева скрипит, на этот раз громче – по звукам понятно, что дверь медленно открывается. Из хлева доносится приглушённый звук, похожий на куриное кудахтанье. Тут младший брат закричал не своим голосом, отбросил покрывало, выскочил из-под стола и бросился к выходу. Старший, естественно, сразу за ним. Да только вот ему не повезло: младший выбежал на улицу, а старший споткнулся о порог и растянулся у входа. Начал звать на помощь и тут же словно поперхнулся, потом снова так завизжал, как будто его живьём сжигают. Младший от такого побежал ещё быстрее. Пока он бежал до окраины поляны, брат всё кричал сзади, а потом замолк. Младший оглянулся только у опушки леса, но оттуда всё уже было плохо видно – стоит балаган, тихо, никакого движения возле него нет, а остальное в лунном свете не разберёшь.

В общем, младший брат припустил со всех ног и через час прибежал в деревню обратно с выпученными глазами, не помня себя. Сразу рассказал всё отцу, и тот едва не набросился на него с кулаками: мол, как такими дураками можно быть, хотя бы справки навели о том, куда идёте, перед тем как отправиться туда. Оказалось, именно в этом балагане давным-давно жила семья, все члены которой погибли друг за другом без видимых причин – поговаривали, что их всех злой дух сожрал. С тех пор на этой поляне никто не жил, даже сено не косили. Никакие сюлюкюны, конечно, в таком месте игры устраивать не будут, всё ж таки они не совсем демоны, а вот кое-кто «другой» вполне мог заинтересоваться двумя великовозрастными дурачками, которые сами в самый тёмный час пожаловали в заброшенное место.

В общем, отец с младшим братом собрались, сели на коня и отправились обратно к балагану. Добрались быстро, всю дорогу отец журил сына за то, что тот бросил старшего брата. Прибыли, вроде всё было тихо. У младшего брата начали стучать зубы, и он наотрез отказался подходить к балагану. Пришлось

отцу самому идти к проклятому месту. Старший брат лежал на снегу там же, где упал, лицом вниз. По следам на снегу видно, что он даже и не двигался особо после падения. Тело уже окоченело... Тут отец уже зарыдал в голос. Делать нечего, положили мертвеца на коня и вернулись домой. Когда там сняли с него всю одежду, оказалось, что на спине под правой лопаткой здоровенный синяк, будто кто-то огромным кулачищем его туда ударил прямо через все слои одежды.

Позже младший брат рассказывал, что он видел до того, как стал убегать. Когда в очередной раз заскрипела дверь хлева, он украдкой приподнял покрывало и увидел при лунном свете идущий в их сторону огромный, под три метра ростом, чёрный человеческий силуэт и тут уж не выдержал – закричал и рванулся вон...

У БЕЗЫМЯННОЙ РЕЧКИ

Дело опять касается двух братьев. Старшему около тридцати, младший лет на пять моложе. Оба были заядлыми охотниками и поехали ближе к осени поохотиться месяц-другой в дремучие леса, где дичь ещё не распугана человеком. У них это был не первый совместный дальний поход, так что уже привыкши, ни о чём не волнуются, всё схвачено, лес для них – дом родной. Устроились возле некой безымянной речки в лесу, быстро построили временную хижину, развели огонь, по местной традиции угостили дух огня (а через него все местные духи) едой и спиртным, чтобы они им покровительствовали, и приступили к охоте. Дичи было много, за пару-тройку дней настреляли неплохо.

На четвёртый день пошёл первый снег. Вечером братья сидели в хижине после охоты – спокойно ужинают, говорят о том о сём, огонь горит, в хижине тепло – и вдруг слышат, как за стеной кто-то ходит. Звук шагов по свежему снегу отчётливо слышен. Сначала схватились за ружья – а вдруг медведь? Но нет, шаги вполне человеческие, подходят к двери хижины. Женский голос говорит: «Бр-р-р, холодища-то какая!». Тут братья совсем уж в ступор впали. Меж тем дверь открылась, и в хижину входит молодая красивая женщина. Увидев братьев, она радостно начинает рассказывать, что она дочь жителя деревни неподалёку, вышла прогуляться по лесу, да заблудилась – весь день блуждала по лесу, уже подумала, что умрёт, но тут увидела хижину, вот и пришла. Братья переглядываются – местность они знают, в радиусе сотен километров вокруг никакой деревни нет. Но женщина вполне себе настоящая, вся от холода дрожит, и они учтиво предоставляют ей место за столом, наливают чай и суп. Она с благодарностью ест и продолжает рассказывать про себя, мол, как она напугана, как благодарна им и так далее. Старший брат кивает да поддакивает, а младший поглядывает на гостью с подозрением. Улучив момент, под предлогом сходить по нужде выходит из хижины. Там уже сумеречно, но различить кое-что ещё можно. На свежем снегу видны следы женщины. Младший брат следует по ним всё дальше, в итоге следы обрываются у берега речки. А речка ещё не замёрзла – если бы женщина переправлялась через неё вплавь, то она была бы вся мокрая. Подозрения младшего брата растут, он вспоминает древние легенды охотников о злых духах, которые живут в дремучих лесах, причём по рассказам эти духи настолько могущественные, что по сравнению с ними всякие мелкие «абасы» – так, детская игра. Он решает тихо шепнуть о своих соображениях братану и дальше действовать по обстоятельствам.

Заходит обратно в хижину – а там уже бутылку откупорили, флирт в самом разгаре, видно, что старший братец уже думает не головой, а другим местом. То и понятно – он не женат, а женщина весьма привлекательная. Младший пытается вклиниться в их разговор, мол, там наша охотничья экипировка мокнет под снегом, надо бы выйти и убрать, на что получает со стороны брата

выразительный взгляд, а женщина на мгновение одаривает третьего лишнего таким колючим, неженским, даже нечеловеческим взором, что младший в мурашках отходит в сторонку. Сидит он мрачно у себя в углу, тем временем флирт всё ближе к постельной стадии. Но в итоге всё-таки ему удалось поймать своего брата, когда тот выходил на улицу перед тем, как отправиться на кровать. Пытается рассказать ему про следы, про страшный взгляд женщины и про то, что её легенда вообще шита белыми нитками, но старший брат мало того, что парит на крыльях ожидания близкого секса, так ещё и сильно пьян и ничего не хочет слышать. Кончается дело тем, что старший припирает младшего к стенке хижины и обещает дать ему хорошую взбучку, если он не отстанет от него. Младший в шоке – брат раньше никогда не позволял себе с ним так разговаривать, пусть даже трижды пьяный.

В итоге устроилась парочка в углу хижины и отгородилась импровизированной ширмой из лосиной шкуры. Свет потушили, младший брат лежит в другом углу, вслушивается в характерные звуки. На всякий случай под одеялом он держит свою двустволку с патронами в стволе. Лежит, процесс в том углу продолжается, вроде всё спокойно... и незаметно младшего брата сморил сон.

Проснулся ночью от какого-то скрежета. Судя по тому, что угли в печи ещё не потухли, прошло не так уж много времени. Станный скрежет явно доносится из угла, где лежат женщина и старший брат, и после каждого скрежета раздаётся то ли стон, то ли тихое завывание. Младший вскакивает с кровати и с ружьём наперевес бросается на помощь брату. Отдёргивает ширму одной рукой, другой держа двустволку наготове – и видит в полутьме, что его брата оседлал какой-то тёмный силуэт совсем не женских форм с ярко горящими жёлтым огнём глазищами на половину лица, и грызёт его шею, скрежеща зубами о позвонки. Брат только слабо стонет. Младший от такого зрелища чуть не потерял сознание, но всё же в упор выстрелил промеж глаз этого существа. Раздался визг, существо соскочило с брата и бросилось к выходу. Младший палит вслед из второго ствола, тварь снова визжит и выбегает из хижины, выдавив дверь. Младший срочно размешивает угли, добавляя света, и склоняется над своим братом, но уже поздно: глаза закатились, горло перегрызено, вся постель в крови. Ещё странно, что потом младший брат так и не нашёл следов крови на полу или у двери, да и снаружи на снегу тоже, хотя дважды попал из дробовика в это существо.

Как только рассвело, младший направился обратно в населённый пункт. Позже вернулся с командой мужиков забрать тело брата и размонтировать хижину. С тех пор ту речку стали называть «Речка Злых Духов» («Абааны үрэбэ») и перестали бродить в окрестностях.

НЕВИДИМЫЙ СОЖИТЕЛЬ

Отправились как-то осенью некий дед со своим зятем и внуками в лес, чтобы привезти дров. Семья у них была большая – дед, бабка, старший сын с женой и двумя детьми, младший сын со своей невесткой (в деревнях Якутии, кстати, многие и сегодня живут большими семьями, не рассредотачиваясь по разным домам). Погода стояла хорошая, за день успели повалить немало деревьев. Но ближе к вечеру им попало одна особенно крепкая большая лиственница, от которой топор отскакивал, как от камня. В общем-то, в лесу деревьев много, зять предложил оставить в покое дерево и заняться другими, но дед упёрся и заявил, что он будет не он, если не повалит это дерево. Промучились весь вечер, но удалось в итоге всё-таки его повалить. На этом работа в тот день кончилась.

Настал день, когда они стали грузить деревья на телегу. Тут то самое дерево тоже показало себя во всей красе: пока пытались загрузить его, оно раз шесть скатывалось обратно. По дороге оно непонятно как умудрилось свалиться с телеги, хотя там со всех сторон были препятствия из прутьев. Завезли к себе, стали на следующий день заготавливать дрова. Один из внуков хватил топором по дереву, тот отскочил и обухом ударил его самого в лоб. Видя такое, старик разозлился и велел в первую очередь заняться именно этим деревом. Потратили целый день, но всё-таки распилили и раскололи на дрова. Дед самолично занёс охапку дров в дом и запихнул в печь. Дальше, естественно, эти дрова не хотели загораться, но дед был тоже не лыком шит и добился своего после продолжительных мучений. Дрова загорелись, а старик вытер лоб и стал смеяться, мол, и тебе, оказывается, есть конец, чёртова деревяшка.

Тем вечером всё и началось. Семья ужинала, и вдруг невеста младшего сына закричала. Все посмотрели на неё, а она говорит, что только что её кто-то по лицу ударил. Начали уж думать, а не тронулась ли девушка головой, но тут опять кто-то невидимый снова стал ей оплеухи отвешивать, да так, что голова из стороны в сторону моталась. Дед попытался прикрыть ей лицо своими руками, и тут невидимка принялся за него – ударил под дых, потом стал хлестать по лицу. Когда дед в панике выбежал из дома, невидимка опять принялся за невесту. Мучил её весь вечер, потом, когда у неё обе щёки стали красными, как раки, вроде успокоился. Но радоваться было рано – ночью оно залезло к ней в постель, скинуло одеяло на пол и стало давить всем своим немаленьким весом и душить. Тут уж все переполошились: бедная девушка в слезах, мужчины ничего не понимают, дед хватается за голову, уразумев наконец, что злосчастное дерево-то непростое было... Пригласили местного батюшку. Тот с крестом, кадилом и святой водой едва вошёл, как невидимка тут же расплескал ему всю воду, сосуд разбил, сорвал с шеи крест и швырнул в угол, а самого священника тоже стал по щекам хлестать. В общем, как батюшка пришёл, так и сбежал.

Потом началась весёлая жизнь. По утрам и днём нечисть обычно затихала, но давала о себе знать мелкими пакостями: то коровьего навоза в молоко положит, то тесто испортит, то чашки сами собой на полках бьются. По вечерам он каждый раз принимался за невесту – бил её, за одежду хватал, в её порцию еды всякую гадость клал, щупал по ночам (хотя насиловать вроде не пытался, и на том спасибо). Всех остальных, включая того самого деда, особо не трогал, если они не пытались защитить девушку. Если всё же пытались, то бил и их, причём намного жёстче, чем девушку – запросто мог синяков наставить и кости переломать. Сами мужчины никогда ничего не смогли ни схватить, ни хотя бы почувствовать.

Дед обратился к местному шаману. Тот прийти к ним в дом отказался, мотивируя тем, что нечисть явно сильнее него. Так как все сошлись на мнении, что невидимое существо прибыло к ним в дом вместе с деревом, в котором, видимо, раньше и обитало, шаман посоветовал отвезти дрова, сделанные из того дерева, обратно на то же самое место. Так и сделали, причём дрова обратно ехали уже без всяких фокусов. Не помогло – «сожителю», видимо, в деревне показалось интереснее. Так и жили целый месяц, попробовали все средства, от угольных кругов на полу до молитв и кошек, но ничего не действовало, а невидимка после каждой попытки его выпроводить шалил с особым рвением. В конце концов от такой жизни у невесты случилось помутнение рассудка, она начала сохнуть на глазах и бредить.

В итоге семейные решили отправить невесту к родственникам в другое село. Пока ехали по деревне, она всё смотрела назад и плакала, говоря: «Мой бедный абасы не может угнаться за нами, отстаёт, манит меня к себе», потом, на выезде из села: «Мой бедный абасы остался плакать у берёзы». И вдруг весь бред сошёл, к ней вернулся разум. Естественно, после такого она не возвращалась в ту деревню, и намечающийся брак распался сам собой. Впрочем, в деревне были не против – как только она уехала, тварь будто испарилась, прекратились все его выходки и игры. Сначала шарахались от каждой тени, ожидая его возвращения, но этого так и не случилось. Видимо, без полюбившейся ему девушки абасы стало скучно, и он вернулся обратно в свои леса.

ЗОМБИ В ЯКУТИИ

В якутских верованиях место нашлось даже для зомби, причём они в Якутии бывают аж двух видов – «юёр» («үөр») и «дэрэ́тник» («дэриэтинньик»). В местных жёлтых газетках время от времени (особенно во время святок) появляются статейки с заголовками вроде «Юёр – якутский зомби!», поэтому первый вид намного более известен, хотя под описание классического американского зомби больше подходит дэрэтник.

Итак, юёр – это по сути не живой мертвец, а неупокоенный дух мертвеца. Считается, что на каком-то этапе после смерти человека спрашивают: «Отправишься дальше или хочешь в срединном мире остаться?». Почти все соглашаются уйти, но некоторые особо не желающие покидать сей мир личности отвечают отрицательно. Тогда с них сдирают кожу с лица (и не спрашивайте, как с духа можно кожу содрать), разворачивают голову задом наперёд и отправляют обратно. Кстати, в случае с самоубийцами то же самое могут проделать и не спрашивая (к самоубийцам в якутской религии вообще отношение крайне отрицательное). Там этот изуродованный дух ютится по всяким заброшенным местам недалеко от места своей смерти. Света он боится, ему постоянно холодно и плохо. Очень скоро он начинает жалеть о своём выборе и озлобляться. Как только его злость достигнет такой точки, что готов будет набрасываться на любого несчастного путника, пришедшего в обиталище, то всё – юёр готов. Но на зомби из фильмов он не слишком похож, скорее, это вполне обычный «абасы» – правда, юёру приписывают способность иногда физически воздействовать на человека, такой способностью не всякие рядовые злые духи обладают. Вспомните самую первую историю про святки и пустой балаган – вполне возможно, что старшего брата там убил именно юёр. Обстоятельства, по крайней мере, указывают на это.

Юёр не вечен. По прошествии длительного времени (не меньше нескольких десятилетий, а то и веков) он «рассеивается», теряет силу и всё-таки покидает этот мир. Что происходит с заблудшей душой в дальнейшем, не совсем понятно – мифология на этот вопрос не даёт внятного ответа.

Дэрэтник – это совсем другое. Это настоящий оживший труп, одержимый злыми духами. Дэрэтником после смерти может стать злой шаман, некоторые самоубийцы и простые люди, пожранные особо мощными абасы. Дэрэтники очень похожи на зомби из фильмов: не имеют ничего общего со своей прижизненной личностью, разлагаются на ходу, часто не могут говорить, двигаются судорожно и дёргано, нечеловечески сильные и быстрые, малочувствительны к увечьям и горят желанием убить и сожрать первого встречного. Если человек становится дэрэтником, то это обычно происходит в течение суток после смерти, если не успеть похоронить его по особым правилам.

Два друга-охотника находились в глубокой тайге в незнакомой местности и заблудились. Тем временем наступил вечер. Было лето, поэтому ночью было не

очень темно, и они решили не ложиться спать, а попытаться всё-таки выйти на дорогу. К полуночи забрели в какую-то глухую чащу. Один из охотников был из тех, кто «чувствителен» ко всякой чертовщине, и он сказал, что надо поскорее уходить из этого места, мол, что-то тут не так. Но не успели они развернуться, как из-за дерева выскочила какая-то волосатая тварь, похожая на человека, и набросилась на охотников. Прежде чем те успели опомниться, она повалила одного охотника (того самого «чувствительного») на землю и сильно покусала плечо. Меж тем второй охотник ударил существо палкой по голове, потом, когда оно отскочило, выстрелил почти в упор из дробовика. Нечисть завизжала и испарилась в воздухе.

Охотник бросился к раненому другу на помощь, но тот закричал ему: «Не подходи!». Потом объяснил, что он чувствует, что всё равно умрёт, и что после своей смерти наверняка станет дэрэтником – мол, залезли мы в гнездо такой сильной нечисти, что её уже не одолеешь. Друг попытался запротестовать, но раненый прервал его: «Ничего не выйдет. Мне уже конец. Теперь главное, чтобы после смерти со мной не было ничего непотребного». При этом он стал бледнеть на глазах, глаза выступили из орбит, вены вздулись. Задыхаясь, человек завещал другу, чтобы тот после его смерти тут же отрезал ему голову и похоронил тело не отходя от места на достаточной глубине без всякого гроба и креста, причём на животе, а ноги развести и между ними положить отрезанную голову лицом вниз, затолкав в рот землю. Самому же выжившему после этого нужно будет убежать как можно быстрее и дальше. Мол, это древний обычай похорон для человека, который может стать дэрэтником. Если похоронить таким образом, то дэрэтник не сможет восстать. Пока человек всё это говорил, ему на глазах становилось всё хуже, изо рта пошла кровавая пена, и он умер.

И вот стоит второй охотник над телом друга в ночной полутьме в лесу и думает, что делать. Всё-таки рука у него не поднялась с телом друга так поступать – просто выкопал могилу, положил туда тело лицом вниз, закопал, на дерево повесил всякие куски ткани, чтобы потом хоть как-то можно было найти, и отправился искать дорогу, к тому же боясь, что та самая нечисть в любой момент может вновь выскочить из-за деревьев.

Идёт час, два, три, уже и рассвет близко. И вдруг слышит: за спиной далеко в лесу ветки под чьими-то ногами трещат. Человек сразу насторожился, снял ружьё с плеча, ускорил шаг. Но звук быстро направляется точно к нему, как будто идущий знает, где он находится. Перепуганный охотник развернулся и приготовился достойно встретить преследователя, кто бы это ни был. Звуки всё ближе, и наконец, из-за кустов выпрыгивает покойный друг – весь в земле, волосы растрепаны, уже трупными пятнами покрыт, глаза не двигаются, одежда висит лохмотьями, а ещё изо рта и ушей свисают какие-то трубочки – то ли кровеносные сосуды какие, то ли сопли. Как дэрэтник увидел живого, сразу кинулся вперёд, как волк – рычит, дёргается, клацает зубами. Охотник выстрелил в него, но промахнулся. Между тем дэрэтник добрался до него и одним движением руки на добрые пять метров отбросил. Охотник, к счастью,

ружьё не выпустил, выстрелил снова и на этот раз разнёс мертвецу всю голову. Но даже это дэрэтника не остановило – почти безголовый труп продолжал бегать за ним, размахивая руками, каким-то образом безошибочно определяя его местонахождение. «Успокоился» он только после нескольких попаданий картечью в грудь и конечности. Когда дэрэтник упал и затих, охотник быстро вырыл новую могилу, отрезал то, что осталось от головы и на этот раз похоронил точно таким образом, как его раньше просил друг. Как закончил, сразу ушёл, и на этот раз никто его догонять не стал. Вскоре он вышел на дорогу.

Позже во сне к человеку являлся умерший друг и, с одной стороны, благодарил, что тот всё-таки выполнил в итоге ритуал как следует, а с другой – упрекал, что он с самого начала сразу так не сделал, мол, из-за этого инцидента «там» у него ещё проблемы намечаются.

ОБИДА БАЙАНАЯ

Дух-покровитель охоты Байанай – один из самых почитаемых из пантеона якутских природных духов, почти наравне с божеством-покровителем коневодства, который именуется Джесегей («Дьһөһөгөй») – а кони у якутов весьма сакральные животные, – и лишь на толику ниже, чем дух огня Хатан Тэмиэрийэ (этот вообще почитается наравне с высшими божествами). Байанай, разумеется, обитает в лесах, в которых недостатка в Якутии нет. Считается, что у него имеется «досье» на всех охотников, и он может по своему усмотрению облагодетельствовать или, наоборот, обездолить любого. Если охотник ведёт себя по всем местным правилам, не оскорбляет духов, не алчный, ну и, конечно, подкован в охотничьем деле, то он может рассчитывать на покровительство Байаная, и дичь сама будет валиться в руки.

Поехала группа охотников в очередной раз в дремучую тайгу дичи настрелять – основательный поход, состоящий в основном из стариков и опытных охотников. Только вот дичь им в этот раз как-то совсем не попадалась. Вроде зверья в лесах много, тут и там мелькают, и мужчины не новички в своём деле – но не везёт, и всё тут.

На третий день похода самому молодому парню из группы, которому недавно едва восемнадцать лет исполнилось, приснился сон: будто бы пока они все спали в своём временном бараке, из речки вынырнула роскошная женщина и, какая есть, мокрая, в облегающей одежде, подошла прямо к его кровати и улыбнулась ему. Парень тоже ей улыбается, но тут женщина недовольно покосилась на храпящих кругом мужчин и ушла в лес. Парень проснулся, ничего не понял и заснул дальше.

На следующую ночь опять во сне ему явилась та же женщина. На этот раз она стала его обнимать-целовать, но когда парень хотел её к себе привлечь, как-то ускользала всё время и говорила, мол, не время. Так в последующие ночи и повелось. Между тем охотничья неудача продолжалась, Пошли разговоры, не стоит ли вернуться назад и сменить местность. Парню было в целом всё равно – он-то совсем зелёный ещё, что скажут, то и делает. Только вот женщина из снов не выходит из головы.

В очередную ночь женщина всё-таки заговорила. Мне, говорит, ты очень нравишься, да вот только наличие кругом кучи старых хрычей всё портит. Она заговорщицки улыбнулась парню и сказала, мол, через три дня твои старики уйдут отсюда, ну а ты останься, тогда у нас всё и получится как надо. Парень проснулся и впал в уныние. Ходит с ружьём по лесу, как в полусне, мучается внутренними раздорами. Что делать? С одной стороны, вроде просто сон. С другой – женщина явно неспроста снится каждую ночь, и настолько она красивая, что парню кажется, что без неё у него жизнь ну никак не заладится. Но, опять же, кто её знает – вдруг лесная нечисть прикидывается женщиной и заманивает его в ловушку, чтобы сожрать (тут самое время вспомнить одну из предыдущих историй про братьев-охотников)...

Третий день настал, и старики на общем совещании пришли к выводу, что не светит им тут ничего на этот раз, пора возвращаться домой. Стали собираться. Только наш герой не собирается – сидит себе, уставясь в одну точку, ничего не говорит. Они ему: «Ты что, рехнулся? Решил остаться один в дремучем лесу?» Он молчит. Стали расспрашивать, в чём дело. Молчит. В уме только женщина, но в то же время страшно ему. Старики с ним долго возились, но ничего не добились. Решили, что парень тронулся головой, все накинудись на него, связали по рукам и ногам. Парень не стал сопротивляться. Так и увезли его в связанном виде домой.

А дома отец парню устроил разнос. Дед твой, говорит, великим охотником был, да и я сам имел задатки, но пошёл по иной стезе. Мол, это тебя сам Байанай приметил, это была его уловка, чтобы сделать настоящим якутским Охотником с большой буквы. Коли парень остался бы, то было бы ему счастье – дичь стала бы сама его преследовать, протяни руку да возьми. Вот только не хватило отпрыску мужества, чтобы встретиться с духом охоты лицом к лицу. «Так и останешься никем всю свою жизнь», – заключил отец.

Так и вышло. Парень жил, в принципе, нормальной жизнью без больших бед, да только не имел счастья в жизни: чувствовал он, что для иного был рождён, но когда выбирался в лес, не мог и паршивого зайца подстрелить. Всё зверье убегало за километры от него. Вот так обиделся на него Байанай.

ПОЛНАЯ СУДЬБА

Отношение к будущим событиям и судьбе человека в якутской религии глубоко фаталистическое. Считается, что ещё до рождения человека его судьбу на седьмом из девяти высших небесных миров записывает в книгу судеб одно из верховных божеств – Чынгыс Хаан. В момент рождения человека его будущее по сути уже определено, никакой свободы воли. Оттуда и весь богатый ассортимент заглядываний в будущее, гаданий, пророчеств, вещих снов и т. д. в якутском фольклоре – если будущее статично, значит, можно, по крайней мере, попытаться получить оттуда какую-то информацию. Собственно, и традиция рождественских святок поэтому так легко вписалась в местные обычаи. А если говорить о судьбе человека, то ситуация такая: если новорожденному на небесах записали «полную судьбу» («бүтүн оноруу», дословно «сделанный полностью»), значит, ему нипочём все невзгоды, страдания, повороты жизни и собственная глупость. Может хоть гвозди голой рукой в розетки вставлять, всё обойдется. А вот если у него «неполная судьба» («итэһэс оноруу», то есть сделанный не полностью), то человек обречён – умрёт во цвете лет, будучи абсолютно здоровым, от какого-нибудь метеорита, который свалится точно ему на темя. Так вот сурово устроен мир.

В конце XIX века среди авантюристов Якутии, которых не устраивала спокойная мирная жизнь, было популярно отправиться на золотые прииски в Бодайбо в поисках счастья. Много темных историй там происходило, состояния зарабатывались и терялись за одну ночь, много крови в тайге разлилось. Особо опасными были дороги, которые вели туда-обратно – разбойники могли поджидать путников с заработанными деньгами и золотом за любым поворотом. И вот один такой молодой искатель приключений затосковал на приисках, захотелось домой, на родину, отца с матерью увидеть. Уволился, взял деньги и отправился через тайгу в Якутск. Ничем криминальным он не занимался, честно батрачил на приисках, так что совесть его была чиста. И в какой-то момент дорога завела его в один из многочисленных таёжных перевалочных пунктов – относительно безопасное место, где можно провести ночь под крышей, с замком на двери и с какой-никакой охраной, обеспечиваемой хозяевами. За небольшую плату, разумеется. По хозяину видно, что бывалый, надежный, да и хата крепкая, с толстыми бревенчатыми стенами. Только оказалось, что мест в доме нет, всё забито, поэтому новоприбывшему гостю предложили разместиться в амбаре во дворе. Парень очень устал после дороги и особо не стал привередничать – в амбаре так в амбаре, там даже лучше, чем в доме, нет окон и засов изнутри, никто не проберется. Внутри на такой случай уже стоял топчан, на нём хозяева разложили белье, и вскоре путник забылся крепким сном.

Приснился ему сон, будто он лежит на том же самом топчане в том же амбаре, только никак пошевелиться не может, как это бывает во сне. А под топчаном какая-то возня, будто какие-то люди шепчутся и всхлипывают. Парень

через силу поворачивает голову и видит в тусклом свете луны, бьющем через крохотную форточку, как из-под кровати на четвереньках выползает голая женщина. Выползла, встала, обернулась к нему, и парень окаменел от ужаса. Женщина была молодая, красивая, только вот всё тело переломано, в жутких синяках и открытых ранах, горло перерезано, язык висит из гортани. Она подошла к кровати, нагнулась и поцеловала парня в губы. Поцелуй оказался ледяным, и от этого парень проснулся в холодном поту. Лежит, выдыхает, никак успокоиться не может. Решил, чтобы развеяться, сходить на улицу подышать воздухом. Подходит к двери, пытается открыть – нет, заперто на замок с той стороны.

Вот тут-то парня будто окатило ведром холодной воды. Едва коснулся внутреннего засова, тот тут же отвалился: оказывается, только для видимости, ничего-то он и не держит. Обманка. Парень вспомнил про сон, подскочил к топчану, перетащил его в другое место, присмотрелся к полу – ба, да тут дверь входа в подпол, тщательно замаскированная. Взялся за тяжелую дверь, кое-как поднял – а там глубокий подвал, из которого веет лютым морозом. Парень вытащил из кармана брюк спички (был курильщиком), зажег одну, всмотрелся вниз и вскрикнул от ужаса – глубоко внизу в морозном подвале валялись в разных позах голые человеческие тела – видимо, их просто сбрасывали сверху. Самой верхней в куче лежала та самая женщина, которая приснилась парню, ровно с такими же ранами. Глаза были открыты. Парень отшатнулся от ямы, потушил спичку. Всё стало ясно: хозяин промышляет разбоем и некоторых гостей при деньгах приканчивает ночью в этом амбаре и забирает имущество. Даже тела никуда выносить не надо – глубокая яма и вечная мерзлота делают своё дело.

Стал лихорадочно думать, что делать. Тем временем во дворе уже раздались какие-то тихие голоса, перешептывания. Стоял самый темный час ночи, и стало ясно, что разбойники идут его убивать. Парню ничего не оставалось, кроме как быстро закрыть дверь в подвал, вернуть топчан на место, разложить свою верхнюю одежду под одеяло так, будто там спит человек, вооружиться засовом и замереть возле двери. Судя по звуку шагов, к амбару подошли четверо. Стараясь не греметь ключами, один из них открыл замок и распахнул дверь. Как только дверь открылась, двое других вбежали внутрь и начали бить куда попало железными ломami «человека» на топчане. Парень решил не упускать момент и выскочил из амбара, попутно ударив засовом по голове хозяина, который с ключами стоял у порога. Пока четвертый разбойник с ножом, стоящий чуть в стороне, на секунду растерялся, парень уже стремглав направился к выходу из двора.

Погоня длилась четверть часа. Парень был хорошим бегуном, но и преследователи оказались физически развитыми. В конце концов, когда парень уже стал выдыхаться и разбойники наступали на пятки, у дороги показался глубокий крутой овраг шириной в несколько метров. Перепрыгнуть казалось совершенно невозможным делом, но отчаявшийся парень решил

воспользоваться последним шансом, сделал рывок и прыгнул. Допрыгнул еле-еле, чуть не поскользнулся у края, но удержал равновесие и побежал дальше. Первый из разбойников, который решил повторить его подвиг, не долетел и с криком рухнул вниз, на дно. Второй разбойник остановился у оврага и прокричал вслед убегающему человеку: «Повезло тебе, парень, с полной судьбой родился!».

И действительно, парень потом попадал ещё не раз в самые жуткие передряги, но мирно умер в своей постели глубоким стариком.

ГОНКИ В ТЕМНОТЕ

Ехал как-то из одной деревни в другую всадник на коне. Вечер, осень, темно, кругом чёрный лес, только лунный серп чуть освещает дорогу. И вдруг человека обгоняет другой всадник, ветром проносясь мимо. Человек решает, что это какой-то лихач так решил его унижить, и прищипоривает своего коня, чтобы перегнать хвастуна. Через какое-то время это ему почти удаётся, но человек замечает неладное: в тусклом освещении видно, что конь впереди выглядит точно так же, как его собственный, да и рост, волосы, комплекция и одежда человека со спины совпадают с ним самим. Но всё же путник гонит коня дальше. Иногда ему кажется, что вот-вот он выравняется и обгонит соперника и взглянет на его лицо, но в итоге это ему так и не удаётся, конь выдыхается. На развилке, которая ведёт в его деревню, передний всадник и его конь внезапно растворяются в воздухе, так и не дав себя обогнать. Всадник, наконец, поняв, что это был совсем не человек, покрывается холодным потом и быстро направляется домой. Там, услышав, что ему не удалось прийти первым к развилке, очень огорчается его отец, говорит, что это не к добру – раз начал соревноваться с абасы, то нужно было лучше стараться. Через пару недель человека насмерть задавливает деревом на лесоповале.

ЧУЧУНА

Речь пойдёт о деревенском уроженце, который переселился в город, но о корнях своих не забывал и раз в год стабильно ездил на длительную охоту в тайгу (собственно, так многие до сих пор делают). Обычно на такие мероприятия на всякий случай ездят толпой хорошо знакомых проверенных людей, но этот человек любил охотиться один. Места знакомые, к лесу привык ещё в детстве, сам ни капли ни верит в сверхъестественные явления, а в случае возникновения реальных опасностей верный дробовик всегда под рукой. И вот выдвинулся он в очередной дальний поход, доехал до последней деревни у реки, где заканчивалась дорога, и направился дальше по замерзшей реке вниз по течению, где девственные необитаемые леса да одинокая охотничья хижина у берега, окруженная высоким дощатым забором, чтобы туда не проникало зверьё.

Приехал, как обычно, распаковался в хижине – мешки с крупой, хлебом и прочим, чтобы на полмесяца проживания хватило, даже если покровитель охоты Байанай на сей раз не благословит охотника и добычи будет мало. Отоспался в первый день, ну и начал привычный охотничий цикл: лыжи, дробовик или винтовка в зависимости от цели сегодняшней вылазки, дальше вступает в дело мастерство следопыта. Дела шли хорошо: в первую же неделю настрелял не только мелкой дичи, но и целого лося. Уже начал задумываться о том, как же всё это добро отвозить в деревню.

К закату нового дня вернулся в хижину в хорошем настроении с несколькими зайцами и глухарями за плечом. Вошёл внутрь, зажег свечи, затопил печь и тут заметил неладное: какие-то мокрые от растаявшего снега следы на полу, странный запах, ну и в довершение всего мешки с провиантом оказались разорваны и пропала приличная часть запасенного хлеба (тут надо заметить, что снаружи дверь хижины не запиралась, потому как в глухом лесу незачем, да и забор защищает от случайно забродившего зверя). Охотник сперва подумал было на лису, белок и прочую небольшую живность, но быстро отказался от этой теории: следы не похожи, да и поведение совсем не то. Ну не могла лиса так разорвать грубый холст мешка и унести с собой столько продуктов (а признаков того, что хлеб ели на месте, не было). Тут явно действовал человек – но откуда ему взяться в этом безлюдном краю? Стало тревожно. Охотник вышел из хижины и стал присматриваться к следам, но ничего, кроме его собственных следов, на снегу не отпечаталось. Он в задумчивости вернулся внутрь, зарядил ружьё, запер дверь, занавесил окна и той ночью спал с дробовиком под кроватью. Ночью просыпался несколько раз из-за того, что ему казалось, будто возле хижины скрипит снег и раздаётся какое-то тихое бормотание, но каждый раз, когда он прислушивался, всё стихало, и охотник всё списывал на галлюцинации из-за тревоги.

На следующий день было очень холодно и в лесу началась пурга, поэтому охотник вернулся раньше обычного. Войдя во двор, он сразу обратил внимание,

что дверь хижины распахнута настежь. Сердце замерло, охотник бросился вперёд – и как знал: в хижине стужа, гуляет ветер, исчезли почти все мешки с продуктами, к тому же на этот раз неизвестный злодей вынес и часть мяса – добычи прежних дней. А снаружи по-прежнему никаких следов...

Вот тут-то в охотнике и проснулась злость. Решил он, что во всём виноваты беглые заключенные, которые решили пожить за счёт него (хотя никаких тюрем и лагерей поблизости никогда не было). Твёрдо вознамерившись поймать злоумышленников с поличным и строго покарать, он лёг спать. Ночь снова прошла спокойно – не оставляло человека ощущение, что он теперь не один в дремучей тайге, и кто-то совсем рядом за ним пристально наблюдает.

Взошло солнце. Позавтракав скудными остатками принесенной с собой еды, охотник взял ружьё и вышел на охоту. Вот только в этот раз он ушёл совсем недалеко – до ближайшего оврага, притаившись в котором, весь обратился в слух. Пурга прекратилась, было солнечно, воздух замечательно проводил звуки, а свежий вчерашний снег радостно скрипел от малейшего прикосновения. Если кто-то явится к хижине, опытный охотник должен был это услышать.

День клонился к концу, вокруг сгустились сумерки, а человек всё продолжать сидеть и ждать. Он был уверен, что таинственный вор придёт и сегодня, но время шло, а никаких звуков со стороны хижины, кроме обычного потрескивания веток на морозе, не доносилось. Лишь когда солнце окончательно зашло, появилась луна и лес окрасился в серебристо-синий цвет, замерзший охотник признал свою ошибку, плюнул на всё, выбрался из оврага и двинулся к хижине. Зашёл во двор и замер от неожиданности: дверь хижины была распахнута настежь, и в помещении явно кто-то был!

Оправившись от первого шока, охотник тихо снял с плеча дробовик. Из хижины доносились неясные звуки – сиплое тяжелое дыхание, грузные шаги, непрерывный неразборчивый шёпот, перемежающийся гортанными вздохами. В охотника закрались сомнения, что человек способен издавать такие звуки, но времени на колебания не оставалось. Он осторожно обошёл хижину сбоку по проторенной на снегу дорожке до поленницы с ружьём наготове, стараясь не хрустеть снегом, и заглянул в окно...

С той стороны на него тоже смотрели. Широкое лицо, покрытое черной мохнатой шерстью, с крохотными блестящими глазами и полуразинутым ртом с большими зубами.

Охотник не успел испугаться и вообще как-то среагировать. Как раз в этот момент на крыше хижины кто-то громко захохотал человеческим голосом и спрыгнул прямо на него, сбив с ног и надавив всей своей массой. Охотник было уже распрощался с жизнью, но тот, кто на него набросился, не стал больше нападать и с ловкостью циркача, не переставая хохотать, прямо с места прыгнул обратно на крышу, прежде чем он успел его как следует рассмотреть. Пока охотник поднимался, тот, кто был внутри хижины, тоже с гортанным хохотом выскочил на крыльцо и оттуда одним махом на крышу. Когда охотник весь в

снегу наконец подбежал к крыльцу, два темных силуэта в лунном свете – один побольше (тот, кто был в хижине), второй поменьше (тот, кто спрыгнул с крыши) – перемахнули прыжком с крыши на забор, а оттуда – на ветви близко растущей лиственницы, так и не коснувшись земли. Старший при этом сжимал в одной своих – рук? лап? – последний мешок с хлебом, привезенный человеком из деревни.

Глядя, как быстро, перепрыгивая с дерева на дерево и раскатисто хохоча, удаляются двое в лес, охотник наконец понял, кто именно наносил ему визит все это время. В его руке остался клоч жестких черных волос, вырванный из тела пришельца с крыши во время падения и недолгой борьбы.

– Чучунá, – прошептал он.

Больше оставаться не имело смысла – незваные гости могли вернуться в любой момент и выкинуть очередную «шутку», не столь безобидную. Как только рассвело, охотник стал на путь обратно к людям. Немного подумав, он решил всё-таки не брать с собой остатки провизии, а оставил всё на столе, чтобы человеческой едой могли полакомиться те, кто, видимо, так запал на неё.

«Чучуна» – якутский аналог йети. Легенды про «лесных людей», заросших черной шестью и обладающих потрясающей физической силой и ловкостью, известны в Якутии с древности. Обычно их не считают злыми, но если вызвать у них недовольство, то приходится только пенять на себя. Часто упоминается их громкий хохот, который невозможно отличить от человеческого, причём в ситуациях, где смешного с точки зрения человека мало.

«АБАСЫ МЕНЯ НЕ УВАЖАЕТ»

Как и почти все сверхъестественные сущности в якутском фольклоре, злые духи-«абасы» крайне мнительны, и оскорблять или потешаться над ними не следует даже в шутку или находясь в безопасном месте – могут прознать и примерно наказать.

Некий не самый умный старик, будучи в гостях, напился и стал выражать сожаление, что ни разу не видел абасы за свою долгую жизнь, в то время как, судя по рассказам, все односельчане хоть раз да встречали. Мол, абасы меня не уважает. Потом вечером в сумерках шёл домой, а навстречу едет всадник на коне. Ну всадник и всадник, старик спокойно идёт дальше. Когда проходит мимо, вдруг всадник не сходя с коня хватает его за волосы. Онемевший старик поднимает на него взгляд, а там не лицо, а страшнейшая рожа – бледная, вытянутая, с вытаращенными жабыми глазами, а тело всадника, как оказалось, просто переходит в коня, вроде как такой горб на спине животного. Старик падает на месте с инфарктом. Его обнаруживают другие запоздалые путники, еле возвращают к жизни. Отлживается старик потом долго, а жена, услышав, что он болтал перед тем, как отправиться домой в тот вечер, открыто называет его дурачком.

РЫЖАЯ

XVIII век, глухая зимняя тайга где-то у реки Вилюй. Некий путник на коне по своим делам ехал в другое селение, но отчего-то припозднился, и стало ясно, что до заката не успеет добраться до пункта назначения. На такой случай в полянах-аласах вдоль дорог имеются пустующие балаганы – либо специально выстроенные как путевые остановки, либо когда-то бывшие жилыми, но по каким-то причинам покинутые. Недолго думая, путник направил коня в один из таких балаганов, хорошо ему знакомый. Добрался до нужного аласа уже в сумерках и уже на подходе заметил, что в окнах мерцает свет, а из трубы клубится дым и вылетают искорки. А путник только рад – одному ночевать не придётся, да и приятно прибыть в уже натопленное и подготовленное для ночлега жилище.

У коновязи-сэргэ стоял конь с телегой, причём путник при взгляде на него моментально почувствовал себя последним нищим: шикарный породистый скакун белоснежной масти размерами чуть ли не в два раза больше его собственной рабочей лошадки, да и телега дорогая, не из мелкой мастерской – вся расписана яркими красками, с мягкими сидениями и всем прочим, что было крайней редкостью в те времена, да ещё и в такой глуши. В общем, стало ясно, что на ночь в балагане остановился не абы кто, а какой-то тойон или богатый купец. Путник оробел, но что поделать – не в ночь же возвращаться. Слез со своего коня и попытался подвести его к коновязи, но тот стал упираться, наотрез отказываясь подойти к белому коню, который только презрительно смотрел на новоприбывших и лениво жевал сено, раскиданное под коновязью. Человек решил, что его конь тоже засмущался такой знатной компанией, и отпустил его пастись по аласу, находя пропитание под снегом. Счистив снег с одежды и приводя себя как мог в порядок, он открыл дверь балагана и шагнул внутрь.

Внутри и правда было очень уютно: трещат дрова в печи, кипит бульон, на столе разложен белый хлеб и прочие яства, стоит початая бутылка вина... Вот только взгляд на того, кто являлся хозяином всего этого добра, привёл путника в шок. Это оказалась женщина – русская, высокая, дородная, с пышными длинными рыжими волосами, которые она как раз расчесывала у печи, когда зашёл гость. Возникла заминка. Гость перетаптывался у входа, не зная, что делать (на русском он, естественно, говорить не мог), а женщина без тени смущения или боязни с любопытством разглядывала мужчину и тоже молчала – видать, не знала якутский. Человек даже подумал о том, чтобы просто выйти и всё-таки уйти на ночь глядя, но тут женщина улыбнулась, что-то сказала и жестом пригласила его разуться-раздеться и сесть за стол. Ну, раз женщина просит... Сел путник за стол, чувствуя себя как во сне. Женщина между тем закончила расчесывать волосы и тоже уселась ужинать. Она стала что-то увлеченно рассказывать, показывая то на себя, то в окно – видимо, говорила о том, кто она такая и как её угораздило сюда попасть. Мужчине оставалось

только кивать и поддакивать, будто он что-то понимает. Про себя он решил, что это, скорее всего, купчиха из Иркутска, которая едет через Виллой в Якутск по своим делам. Конечно, ехать через тайгу женщине одной с таким шикарным конём, телегой и, очевидно, деньгами было опасной затеей, но кто знает привычки этих русских... Тем временем женщина налила вина в два стакана, нарезала хлеб и ветчину, сходила за бульоном, и гость начал есть. Сначала жевал только для проформы, чувствуя себя не в своей тарелке, потом дали о себе знать усталость и то, что с утра не было ни крошки во рту. Стал уминать всё, что предложено, и просить добавки, в которой отказано не было. Потом и вино ударило в голову, по телу разлилось приятное тепло, и вот мужчина уже не просто поддакивает рассказу женщины, но и сам излагает ему всю историю своей семьи до пятого колена, а та заинтересованно кивает и смеётся, будто всё понимает. Огонь в печи разгорается всё ярче, в балагане уже жарко, пот катится градом по лбу, мужчина по предложению женщины снимает плотную зимнюю рубашку, после чего женщина просит с неё тоже снять верхнее платье. Бутылка с вином уже пустая, женщина откуда-то достаёт вторую, с ещё более крепким зельем, хотя при входе мужчина не замечал, чтобы где-то была ещё выпивка. Как итог – мужчина вусмерть пьян, а рыжая женщина уже откровенно намекает на любовные игры и тащит его на топчан. Не веря тому, что такая зимняя сказка приключилась именно с ним, мужчина делает своё дело и после этого впадает в глубокий пьяный сон.

Просыпается глубокой ночью от пронизывающего всё тело холода. Оказывается, он лежит в тёмном нетопленном балагане полуголый на топчане, и конечности уже успели окоченеть. Голова всё ещё болит от винных паров. Встаёт, оглядывается, ничего не понимает: нет ни женщины, ни еды, ни вина, ничего – и не похоже, чтобы всё это тут вообще когда-либо было. В балаган никто не заходил как минимум несколько месяцев. Кое-как нацепив на себя раскиданную по всему балагану одежду, путник выходит наружу и идёт за пасущимся вдалеке конём, попутно заметив, что нет под коновязью ни того красавца-скакуна, ни сена, ни лошадиных следов – снежная короста нетронута.

Под утро добирается до ближайшего села, про себя твёрдо решив никому ничего не рассказывать – если не сочтут сумасшедшим, то засмеют: ну кто поверит, что он провёл ночь со знатной русской купчихой в придорожном жилище? Только самочувствие его становится хуже и хуже, головная боль не проходит, начинается озноб, рвота, боли в теле. Едва вернувшись обратно в свою деревушку, мужчина слег и больше уже не вставал. Только перед смертью рассказал, что с ним приключилось той ночью.

Но его смерть стала только первой. В двух деревушках, где он побывал, люди тоже начали стремительно заболеть, через считанные дни болезнь расползлась по всему улусу. Смерти исчислялись сотнями, потом тысячами, вымирали целые семьи и деревни. Страшная эпидемия косила людей, как соломинок, а те, кто выжили, остались с обезображенными навечно телами. Оспа. Именно её дух, как говорили потом, явился с запада в глухой Виллой в

виде рыжей русской женщины в поисках жертв, и она получила той зимой своё сполна.

Эпидемии оспы до революции действительно периодически выкашивали значительную часть населения Якутии даже в отдалённых от главных магистралей районах. Представление в якутском народе о «духе оспы» как о красивой богатой русской женщине-купчихе с рыжими волосами было довольно устойчивым. В принципе, это понятно – оспа заносилась в Якутию через торговые пути со стороны Иркутской области, первыми носителями оказывались русские, а рывтины, остающиеся после болезни, ассоциировались с характерными веснушками у рыжих, оттого и такая персонификация.

КОНИ

Не совсем серьёзная (или даже совсем несерьёзная) история, основанная, тем не менее, на настоящем народном фольклоре. Как упоминалось выше, якутская версия святок отличается большим разнообразием ритуалов, и кони тоже успели поучаствовать в рождественских гаданиях. Каноничный рецепт таков: нужно дождаться крещенского сочельника, когда вся нечисть вылезает из всех углов, и засветло затаиться где-нибудь недалеко от лошадиного стойла – главное, чтобы эти процедуры не заметили сами лошади. Ровно в полночь, если всё прошло как нужно, лошади начнут разговаривать на человеческом языке и обсуждать события будущего, как те же сюлюкюны, о которых уже рассказывалось. Сам механизм того, почему крайне почитаемые, почти сакральные в якутской религии животные внезапно сношаются с нечистью, хоть бы и в одну конкретную ночь в году, не совсем понятен, так что примите это как данность.

Некий конюх, узнав от добрых людей о подобном способе гадания, загорелся идеей подслушать разговоры лошадей – авось станет известно что-то интересное о его судьбе. Подошёл к делу основательно и ещё днём спрятался в ящике, который в конюшню занесли сыновья. Боялся даже дышать громко, так что конспирация была обеспечена. И вот наступил вечер, потом ночь, лошади привычно фыркали, махали хвостами и стучали копытами. Наконец, настала полночь, и конюх наострил уши. Вожак всего стада фыркнул как-то особенно громко, трижды стукнул копытом о пол и... разразился потоком трехэтажного мата, кроя на чём свет стоит нашего конюха: мол, такой, вот, и сякой, гадина полнейшая, экономит на корме и условиях содержания, трижды-сякое-ненавистное-отродье... ну, в общем, понятно. Его принялись активно поддерживать все остальные лошадки, тоже не стеснясь в выражениях. Ранимая душа конюха не выдержала – он не стал дожидаться, когда его подопечные отведут душу и перейдут, собственно, к обсуждению будущего: вывалился из своего ящика весь красный от злости и накинулся на лошадей с криком: «Ах вы, твари неблагодарные, я к вам со всей душой, а вы!..» А лошадки – ну а что лошадки? Только ржали возмущённо и топтались, недоумевая, с чего вдруг любимый хозяин на ночь глядя обрушился на них ни за что.

КАК ЯКУТ БЫЛ НЕЧИСТЬЮ

Следующая история интересна тем, что является как бы «зеркальной» версией изложенной выше истории про невидимого демонического сожителя и фольклорной попыткой логически объяснить происходящее (насколько здесь это слово вообще применимо).

Начальная ситуация стандартная, как в большинстве других якутских страшилок: из пункта А в пункт Б выдвинулся молодой повеса, но из-за неумения планировать время темнота застала его в дороге в лесу. К тому же ещё и началась настоящая буря с ветром, гнущим деревья, громом и молниями, и путнику ничего не оставалось, кроме как присесть у ствола ближайшего большого дерева, чтобы его ветви и листья хоть как-то защищали его от разбушевавшейся стихии. Не помогло: ураган был такой силы, что он всё равно мгновенно промок насквозь, а ветер принял такой размах, что вскоре человек почувствовал, как его ноги буквально отрываются от земли и он вообще перестаёт за мглой и шумом видеть, что происходит и где он. Сердце замерло, путник уже приготовился к смерти, но вскоре силы природы чуть сдали назад, и он обнаружил, что каким-то образом оказался сидящим на большом стоге сена во дворе. Поняв, что могучий ветер пронёс его из леса до деревни и при этом умудрился не скинуть насмерть, парень выдохнул, схватился за сердце и резво прыгнул со стога сена. Тут-то и обнаружились первые странности: во-первых, вокруг была тишь да благодать, никакой грозы и ветра, если только они не сумели испариться за пару секунд. Но никакого беспорядка и разрушений, которые должен был бы причинить такой сильный ветер, видно не было. Во-вторых, парня не оставляло ощущение, что кругом что-то не так: и двор чем-то неуловимо не похож на те, что были в его деревне или в соседних, и звёздное небо имеет другой вид, да и вообще, обстановка так и веет чуждостью, хотя к каждому конкретному элементу вроде и не прицепишься: на вид обычный осенний вечер, простой якутский дворик семьи среднего достатка, балаган, хлев, стога сена, коровы мирно дремлют у себя в стойлах... В общем, подумал парень недолго и решил просто радоваться, что жив остался. Отряхнулся, поправил причёску и пошёл в балаган, чтобы спросить у хозяев, где он находится и как отсюда попасть домой.

В балагане как раз было время ужина, за столом сидели трое: старик со старухой и молодая девушка лет двадцати – очевидно, их дочь. По тарелкам был разложен горячий говяжий суп, люди ели молча, будто чем-то встревоженные. Когда парень вошёл, дверь балагана при закрытии громко скрипнула, на что все трое подозрительно обернулись. Парень по якутскому обычаю вежливо поздоровался и спросил у хозяев, как у них дела («Кэпсиэ»). И очень удивился, когда никто ему не ответил – все трое после секундной паузы вновь продолжили хлебать свой суп. Пока гость стоял в недоумении, старуха завела разговор:

– Ох, видали-то? Несколько минут назад на стог сена во дворе с небес обрушился такой странный чёрный вихрь. Не к добру это, не к добру...

– Молчи, дура! – нервно прервал его старик. – Навыдумываешь всякого и видишь то, чего нет. Не было никакого вихря.

Девушка молча испуганно захлопала ресницами.

– Эй, хозяйева, вы меня слышите? – раздраженно спросил парень. – У вас гость, и я хочу спросить...

Девушка резко обернулась и посмотрела прямо на парня. Старик со старухой с удивлением посмотрели на неё:

– Что такое, птенчик?

– Да просто какой-то звон в ушах... – неуверенно ответила девушка. – И минуту назад как будто дверь скрипела...

Старуха заботливо коснулась лба девушки ладонью:

– Вроде не горячий... Солнце, тебе нужно сегодня пораньше лечь спать.

«Ничего себе, – подумал парень. – Так они меня, получается, не видят и не слышат!» Для эксперимента он вышел на свет ближе к столу и демонстративно принялся расхаживать вперёд-назад, но трое за столом продолжали его игнорировать. Вот тут-то в парне проснулся то ли дух авантюризма, то ли любопытство первооткрывателя, а скорее всего, обычная хулиганистость. Заметив в углу лишний стул, очевидно, припасенный для гостей, он перетащил его ближе к столу, взял с полки лишнюю тарелку («кытыйа»), зачерпнул из кастрюли супа по самые края, сел за стол напротив старика и принялся с аппетитом есть. Домашние только глаза округлили, тишина стала абсолютной. Девушка вообще выронила ложку на пол. Через несколько минут старуха, оправившись от прострации, пробормотала едва слышно:

– Говорила же я, не к добру... Похоже, у нас появился лишний едок.

Старик на этот раз не стал возражать, только вяло прошептал, сжимая руку бледной как мел дочери:

– Возможно...

Больше этим вечером разговоров не было. Хозяйева быстро завершили ужин и стали готовиться к отходу ко сну, будто надеясь быстрее закончить день, чтобы с утра всё вновь пришло в обычный порядок. Парень же, смутившись собственной наглости и того, что он так сильно напугал людей, тихо-мирно сидел в сторонке. Тем временем старик потушил пламя в печи, в балагане стало темно, и все разбрелись по своим углам. Вскоре в темноте раздался громогласный храп старика.

Ну а наш парень, как вы понимаете, при сложившихся обстоятельствах долго оставаться благоразумным не смог. На этот раз приступ авантюризма вступил в союз с игрой гормонов, и всё внимание нашего героя постепенно переключилось на будуар в углу («хаппахчы», по сути просто отгороженное ширмой или дощечками место), где спала девушка. Десять минут терпел, двадцать терпел, на тридцать воли уже не хватило – парень пробрался в будуар, смотрит – девушка спит полуголая, лишь в ночной рубашке, вся такая красивая

и беззащитная. Ну, парень мозги поставил на стопроцентный автопилот и полез к ней.

Крики проснувшейся девушки были такими, что могли перебудить половину деревни. В будуар сбежались старик со старухой и долго пытались успокоить шокированную, плачущую дочь. Парень, сам в шоке от того, что натворил, отбежал в дальний угол и там смотрел себе под ноги. Наконец, старик сказал что-то вроде: «Больше это терпеть нельзя», – оставил дочь на попечение старухи, сам наспех оделся и куда-то ушёл. Вернулся уже не один, а с пожилым шаманом в полном облачении. Шаман обвёл глазами балаган, чуть задержав тяжёлый взгляд в том углу, где ютился наш парень. От такого у «невидимого гостя» пошли нешуточные мурашки по коже.

Началось камлание. Старик со старухой и заплаканная девушка сидели в стороне, с благоговением глядя на танцы шамана. Камлал шаман долго, и со временем парень стал ощущать явный дискомфорт – каждое движение шамана стало вызывать какое-то неизбыточное жжение внутри тела, а удары в бубен сопровождались ёканием сердца. Наконец, шаман, не переставая камлать, начал вещать громовым голосом:

– Страшная беда настигла вашу семью! Отвратительное порождение исподнего мира, нечистый дух явился в ваш двор по душу вашей дочери, чтобы насильно взять её в жёны и увлечь её с собой в свой мир, дабы вечно наслаждаться там её муками! Я вижу его – вот он, стоит в углу, впивая жадный горящий взгляд своих жёлтых зениц на груди вашей дочери! О горе! Я не могу ничего сделать – так слепит меня сияние его голодных глаз!

Девушка разрыдалась снова, старик со старухой упали на колени, умоляя шамана что-нибудь сделать.

– О горе! – продолжал разоряться шаман. – Что я могу противопоставить древней мощи тех краев, откуда он прибыл? Помогите мне, силы света, помогите мне, верховное божество Юрюнг Аар Тойон! Позвольте мне спровадить это мерзкое существо туда, где ему и место! ИЗЫДИ, ТВАРЬ! ИЗЫДИ! ИЗЫДИ! ДОМ! ДОМ! ДОМ!

С последними выкриками шаман с силой ударил три раза в бубен, надвигаясь прямо на опешившего от такого поворота парня. Удары будто обрушились ему прямо на темя, и парень потерял сознание...

Пришёл в себя у ствола того же дерева, под которым он скрывался от бури. Первоначальная мощь стихии прошла, гроза прекратилась, и с темного неба лился слабый дождь. Путник лежал на животе, будто обо что-то споткнулся, судорожно сжав руки в кулаки. Пришёл в себя, встал, осмотрелся – ничего не болит, руки-ноги шевелятся. В глубокой задумчивости он пошёл дальше своей дорогой, не понимая, что это только что было – сон, явь или что-то другое.

Много лет спустя, превратившись в запойного пьяницу, парень каждый раз, напившись, приставал ко всякому прохожему с предложением рассказать ему невероятную историю о том, как однажды якут был нечистой, но, естественно, ему уже никто не верил.

ЧАСТЬ 2. НЕЗРИМЫЕ

«БУТЫЛОЧНЫЕ» ЛЮДИ

По рассказам, это произошло в советское время в нынешнем Таттинском районе в небольшой деревушке средь бела дня.

Семён был местным колхозником и летним вечером возвращался от сенокоса в деревню. Грунтовая дорога шла по пустырю, было солнечно и жарко (между прочим, летняя жара в Якутии редко опускается ниже 30 градусов, а временами доходит и до 40 – то есть абсолютная разность температур в разные времена года приближается к 100 градусам). Семён идёт себе, настроение хорошее, напевает что-то под носом и в какой-то момент замечает, что навстречу ему по дороге идут трое. Тот, кто в центре – повыше, остальные ниже. Семён тогда воспринял их как взрослого и двух его детей. Он думает, кто бы это мог быть. Пришёл к выводу, что это некий Никитин со своими сыновьями из его деревни. Но когда те подошли ближе, он заметил, что тех, кто идёт по бокам, детьми не назовёшь – они были лишь чуток ниже центрального. Потом Семён обратил внимание, что очертания у идущих очень странные – они были в одинаковых серых одеждах, и грузные фигуры, скрытые под этими одеждами, спускались до земли, расширяясь книзу – то есть по форме «идущие» напоминали что-то вроде бутылки. Ног он у них так и не увидел и не понял, как им удаётся передвигаться.

Семён испугался не сразу. Сначала просто на автомате продолжал идти, потом внезапно различил их большие чёрные глаза на лицах, белых, как бумага, и его буквально перекосило от ужаса. Тут же вспомнил, что, по якутским поверьям, при встрече с «абасы» ни в коем случае нельзя убегать – иначе погонятся. В двадцати шагах впереди от дороги отходила узкая тропинка, и он поставил себе цель дойти до развилки раньше «бутылочных» людей и разминуться с ними. Но страх настолько сковал его, что он буквально заставлял себя идти вперёд с мышинной скоростью. Смотреть на лица этих существ он боялся, но стоило ему отвести взгляд, так сразу казалось, что они вот-вот набросятся на него, и глаза автоматически возвращались к ним. Как он запомнил, все трое были практически одинаковые на вид – белые, без единой кровинки, с остановившимися большими чёрными глазами и с грузными деформированными фигурами, которые становились шире в нижней части. Различались они только ростом.

Наконец, Семён добрался до развилки и свернул на тропинку. На тот момент между ним и существами оставалось всего около десяти метров. Стараясь не бежать, он шёл по тропинке, краем глаза наблюдая за идущими. К его облегчению, те прошли мимо, даже не глядя в его сторону. Отойдя от них на приличное расстояние, Семён уже припустил бегом и бежал аж до своего дома. Оборачивался пару раз и замечал вдалеке на дороге тёмные силуэты «бутылочных» людей.

Как потом оказалось, в тот день не только он видел их. В деревне и в окрестностях несколько людей случайно тоже заметили эту троицу и смертельно перепугались. Сошлись все во мнении, что эти «люди» никакого интереса в их деревне не имели и были как бы «проездом», направляясь куда-то по своим «делам».

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГОЛОВЫ

Эта история произошла в одном из центральных районов Якутии.

В конце 70-х годов некий мальчик, который и рассказал это, жил в небольшой деревне недалеко от райцентра. Было ему тогда лет десять, он дружил с соседским мальчиком Васей. Однажды утром проснулся и, как всегда, пошёл к нему домой поиграть, а его мать сказала, мол, Вася заболел, поэтому играть не будет. Мальчик пошёл к себе домой, а на следующее утро мать ему сообщила, что Вася умер. Как потом ему рассказали, у Васи вдруг появилась страшная боль в голове. Родители целый день пытались заниматься самолечением и лишь вечером послали за врачом в райцентр (в деревне была лишь одна женщина-врач, да и та могла заниматься только простудой и травмами). К тому времени ребёнок уже был тяжёлом состоянии, местный врач запретила его в таком положении куда бы то ни было перевозить. Поэтому отец Васи выехал на своём «Жигули» в райцентр, чтобы быстро привезти врача, не дожидаясь, пока там освободится «скорая».

Приехали они поздно ночью – оба белые, как мел. Оказалось, что когда ехали обратно через лес километрах в пяти от деревни, то заметили в зеркале заднего вида в лунном свете, как в ста метрах за ними гонится человек без головы. Увидели его оба: и отец Васи, и врач. С такого расстояния, да ещё ночью, никаких особенных деталей, конечно, разглядеть не могли, только оба утверждали, что он был ненормально высоким – даже без головы его рост достигал двух с половиной метров. Отец Васи дал по газам, и жуткий преследователь вскоре отстал.

Успокоившись, врач поставил Васе какие-то уколы, капельницу, приказал соорудить носилки и на них очень осторожно отвезти его в райцентр. По пути мальчик скончался. Говорили, что на полпути, перед тем, как умереть, он ненадолго пришёл в себя. Говорить не мог, но постоянно поднимал правую руку и указывал пальцем куда-то назад. Помня о недавнем видении, взрослые с опаской вглядывались в ночную дорогу за машиной, но ничего не увидели. Спустя несколько минут ребёнок умер.

ЛИЦО ЗА ДЕРЕВОМ

История имела место в 2000-х годах рядом с городом Якутском.

После окончания 9-го класса, сдав государственные экзамены, класс отправился в поход за город. Место, куда они направлялись, выбрали учителя – небольшая поляна километрах в пятнадцати от города, с речкой и небольшим чистым прудом. Время дети проводили весело – играли в волейбол, наедались до отвала, кое-кто из парней тайком употреблял привезённое с собой пиво. А под вечер, когда начало темнеть, собрались у костра и стали рассказывать друг другу страшные истории. Когда собрались после этого спать, то все уже были в таком состоянии, что нервно вскрикивали от каждого шороха. Несколько парней отправились к опушке леса, чтобы справить нужду вдали от всех. Через какое-то время они прибежали обратно с выпученными глазами и переполошили всех.

По их рассказам, произошло вот что. Приближаясь к опушке, они вдруг увидели, что за одним из деревьев неподалеку прячется человек и осторожно выглядывает оттуда. В полутьме они не смогли отчётливо увидеть его лицо, но предположили, что кто-то из ребят решил их напугать после костровых баек. Стали ему кричать – мол, выходи, мы тебя увидели. Тот опять спрятался за деревом и выглянул с другой стороны. Так он повторил несколько раз, прежде чем парни заметили, что с каждым разом лицо поднимается всё выше и выше за стволом дерева – скоро оно уже мелькало на высоте четырёх-пяти метров. Причём на этом дереве до самой верхушки не было никаких веток или сучьев, на которые можно было опираться! Тут ребята, конечно, перепугались и побежали обратно.

Дети поверили испуганным одноклассникам не сразу – думали, что они решили их разыграть. В итоге всей толпой отправились осмотреть то самое дерево. К опушке близко не подходили, но мелькающее за стволом дерева белое пятно увидели все. И пятно действительно то поднималось выше, то опускалось почти до земли. Девочки начали плакать от страха. Учителя велели детям быстро рассестись по машинам, и класс на ночь глядя уехали обратно в город.

КЭРЭХ

Несмотря на обилие духов всего и вся в природе, такого понятия, как «леший» или его аналога в якутских верованиях не существует. Есть Байанай – уже упоминавшийся дух-покровитель охоты, и считается, что с ним можно столкнуться в лесу, но на лешего он не сильно похож, да и рангом повыше. Словом «леший» («тыатаабы») в Якутии называли медведя. Возможно, леший просто не нужен в мифологии ввиду того, что и без него любая местность, всякий участок леса, любая гора, водоём и – всё имеет своего собственного духа-покровителя. Сущности эти, надо сказать, с малопривлекательным характером, и могут сильно наказать путника, если он не будет соблюдать местные правила. Например, в Якутии строго запрещено, находясь на новой для себя безлюдной местности, вслух произносить её название – считается, что это оскорбляет местного духа. Эта история как раз про случай нарушения подобных правил.

При въездах в некоторые местности у дорог в Якутии стоят деревья, сплошь обвешанные фантиками, монетками и даже денежными купюрами. Их довольно-таки много на дорогах. Это называется «кэрэx» – путевое дерево. Если ты хочешь, чтобы во время поездки через данную местность неведомые тебя не трогали, то должен платить при въезде символическую дань – оставить на дереве любой фантик, монетку или что-то ещё. В наше время это правило не слишком строгое – даже если ты ничего не оставил, то при отсутствии прочих грехов ничего с тобой не станется. А вот если ты как-то оскорбил дерево или, того хуже, собрал с него подарки, то это уже может иметь последствия.

80-е годы. Некий начальник из райцентра по имени Николай поехал с визитом в другой район, расположенный по соседству, на служебном «УАЗике» с водителем. Стояла зима, ехали долго, и пока они были в дороге, успело стемнеть. При въезде на какую-то поляну они вышли по малой нужде и увидели украшенное дерево. Естественно, они знали, что это такое, но значения не придали, а водитель ещё и почему-то сделал маленькое дело под корень этого дерева. Залезли обратно, едут дальше, болтают о том о сём, вокруг тьма, заснеженная дорога видна только круге света от фар. И вдруг водитель замечает, что шум мотора «УАЗика» резко изменился, и машина чуть осела и стала терять скорость. Он жмёт на газ, мотор ревёт, но «УАЗик» всё равно ползёт еле-еле. Тут Николай спросил его, с чего это в кабине вдруг стало вонять какой-то тухлятиной. Водитель пожимает плечами, потом оглядывается назад и видит, что на заднем сиденье расположился посредине какой-то тощий человек в ветхих шерстяных одеждах и неприязненно смотрит прямо на него. Водитель от страха так и замер, вспомнил, что он сделал у дерева, и тут же снова посмотрел вперёд, на дорогу, продолжая на автомате держать руку на руле. Начальник спросил у него, в чём дело, а он только кивнул назад, ни слова вымолвить не смог. Начальник оглянулся и тут же замолчал. Вонь усиливается, машина ползёт, как черепаха, оба человека в кабине блее бумаги, но останавливать машину посреди безлюдной поляны не хочется. Так и едут дальше. Водила

бросает взгляд на зеркало внутри кабины, но там ничего не отражается – заднее сиденье пусто. Но стоит ему повернуться назад, как в нос бьёт смердящая вонь, будто пассажир помер и разложился две недели назад, и водитель опять ловит на себя колючий взгляд впалых глаз. Страх растёт, водитель опять смотрит на дорогу и уже не пытается обернуться.

Ехали они так где-то час, пока не добрались до первого встречного населённого пункта. Когда огни домов уже были близко, водитель почувствовал, как машина поехала легче. Набравшись смелости, обернулся – на сиденье никого. С облегчением дёрнул начальника, оба выдохнули. Но вонь исчезла не сразу – пришлось окна приоткрыть, чтобы запах выветрился сильнее. Потом оба долго разговаривали по поводу того, что надо бы всё-таки чтить традиции впредь, чтобы снова в такой ужас не угодить.

ЛЁГКИЕ ДЕНЬГИ

Ещё одна история о том, что бывает, если не уважать путевое дерево.

Время действия – где-то 60-е годы. В Амгинский район из Якутска выезжает некий молодой пройдоха. Ехал он в Амгу к своему знакомому, который обещал его трудоустроить в местный колхоз, ибо в городе устроиться ему не удалось, а деньги все проиграл в азартных играх. Кто-то его подкинул по дороге до дорожной развилки, дальше он пошёл пешком напрямик по какой-то мелкой дороге. Раннее лето, комаров ещё нет, вокруг тепло и светло, в рюкзаке с собою немного еды и водки – в общем, жизнь хороша. Наш герой идёт себе, потом видит на окраине очередной поляны у дороги большое ветвистое дерево, обвешанное разноцветными лоскутками. Естественно, не имеет понятия, что это такое. Сначала дерево просто его позабавило, потом пригляделся – мать моя женщина, под деревом и в его коре куча монеток, есть даже бумажные рубли! Недолго думая, он всё собрал (набралась неплохая для его положения сумма), положил себе в карман и пошёл дальше в совсем уже хорошем настроении. К вечеру устроился в какой-то поляне, где был пустой летний домик – постелил на топчан собственную куртку, выпил водки и лёг спать.

Не успел заснуть, как чувствует, что кто-то дёргает его за ногу. Он пытается не обращать на это внимание и спать дальше, но дёргают всё сильнее. Человек вскакивает, оглядывается – никого: светлая летняя ночь, пустой домик, пустая поляна. Ложится вновь. Как только его опять сморило, начинают дёргать. На этот раз он сматерился, выскочил из дома и даже обежал строение – никого нет. Спросонья страха наш герой не испытывал. Опять лёг спать, сменив положение. Сначала долго не мог уснуть, потом всё-таки провалился в сон. На этот раз дёрнули за ногу так сильно, что он свалился с топчана, так ещё и поволокли немного по полу. Но когда он открыл глаза, никого возле него опять не было.

Так продолжалось всю ночь – человек пытался заснуть, а кто-то не давал ему сделать это. Наконец, под утро после очередного дёрганья за ногу он привычно открыл глаза и приподнялся – и увидел над собой в полутьме силуэт человека мощного телосложения, склонившегося над ним и держащего за ногу. Вот тут-то нервы не выдержали – вскочил с топчана, закричал, выскочил из домика и побежал куда глаза глядят. Потом только понял, что оставил в домике свой рюкзак, но вернуться смелости не хватило. Бежал всё утро, пока не вышел к деревне, постучался там в первый попавшийся дом, рассказал про свою беду. Ему посоветовали вернуться и положить деньги обратно у дерева. Тут он вспомнил, что эти деньги всё ещё у него в кармане, пошарил руками – а там дырка, всё выпало, пока он убегал. Вернуться, конечно, не намеревался, отправился дальше с кем-то из местных в Амгу.

ОБХОД

Есть в якутской религии такое явление, как «обход» («кэритии») – аналог воздушных мытарств в христианстве. Считается, что после смерти человека в течение какого-то времени его дух не покидает землю, а посещает последовательно все места, где бывал при жизни (для большинства жителей деревень эти места, как правило, ограничиваются родным селом и прилегающими местностями). Отличие обхода от мытарств в том, что происходит это не неслышно-невидимо: когда дух совершает такое путешествие, некоторые люди могут слышать странные звуки и голоса, будто проносящиеся под небом, а особо чувствительные личности могут и узреть этот процесс. Причём само слово «кэритии» на якутском языке по смыслу содержит элемент принуждения: дух не по своей воле совершает обход, а его как бы заставляют.

Женщина, о которой пойдёт речь, с молодости относилась к «чувствительным». Годам к сорока зрение у неё ухудшилось, она перенесла пару операций на глаза, и в результате стала очень плохо видеть. Сама она объясняла это тем, что она была слишком зоркой, и «другие» не захотели, чтобы она вникала в их дела. Она и рассказала эту странную историю.

Итак, в деревне умер какой-то старый долгожитель, его похоронили. После этого прошла пара дней, и девушка вместе с остальными людьми отправилась в поле на сенокос (покойник при жизни тоже много времени проводил на сенокосе, так что посещение им этого места при «обходе» было вполне логично). И вот после обеда в разгар работы она вдруг услышала странные звуки – будто собачий вой вперемешку с плачем. Она остановилась, огляделась и увидела, что в отдалении вдоль дороги плывёт в воздухе какой-то предмет наподобие спортивных козлов, на нём кто-то восседает, а по обе стороны от него парят в воздухе два тёмных силуэта, напоминающих человеческие, и бьют его – точнее, лупят какими-то палками. Избиваемый, в свою очередь, и испускает тот самый жалобный вой. Девушка испугалась и посмотрела на других, но никто, кроме неё, этого не замечал. Она к тому времени уже привыкла к тому, что иногда видит то, что другим недоступно, так что стала молча наблюдать. Вся эта странная процессия проплыла по дороге мимо (так как девушка находилась в поле далеко от дороги, она так и не смогла увидеть эти существа вблизи, да и не горела желанием). Просто в какой-то момент она поняла – то ли по голосу, то ли по внешности, – что центральный человек на «козлах», тот, кого бьют, и есть тот самый покойник, которого недавно похоронили. Это оставило у неё весьма тягостное впечатление – в якутской традиции не считается, что «обход» сопровождается таким жёстким избиением, да и покойник был при жизни человек вполне приличный и не заслужил, чтобы с ним после смерти обращались таким образом.

ПОЖИРАТЕЛЬ ТЕЛЯТ

У одной сельской семьи не стоял скот – либо коровы никак не могли забеременеть («кулуннаабыт»), либо разрождались мёртвыми телятами («торбостообут»). Если и рождался нормальный телёнок, он бывал хиленьким и подыхал максимум через неделю после рождения. В таких случаях местный фольклор выдвигает две возможные причины: либо духи скотоводства не покровительствуют семье, возможно, из-за каких-то их грешков, либо в хлеве поселился «пожиратель телят» («торбуйах абааһыта») – мелкий злой дух. Конечно, это проблема, но не такого масштаба, чтобы посыпать голову пеплом, тем более что происходили события не в древнее глухое время, а где-то в 60-е – 70-е годы XX века. Мрёт скот, это печально, но что поделать.

Но вот как-то вернулась женщина домой днём (а у них был ребёнок пяти лет, который днём сидел дома, пока родители работали) и обнаружил своё дитя в хлеву играющим какими-то деревяшками. Причём до того, как зайти в хлев, она явно расслышала, что ребёнок с кем-то разговаривает – чётко выделялись два голоса. Устроила сыну допрос и узнала, что с некоторых пор у него появился друг – лохматый невзрачный паренёк, одетый весь в одежду из шкур. Обитал новый друг внутри хлева, выходил откуда-то из тёмного угла. Они часто вместе играли, причём лохматый паренёк был не промах: подговаривал ребёнка тайком носить ему еду со своего стола и настаивал, чтобы мальчик про него никому не говорил, особенно родителям – «иначе я больше с тобой играть не буду».

Напуганная женщина рассказала вечером обо всём мужу. Семейный консилиум поставил диагноз – «пожиратель телят». Но что с ним сделать? Глава семьи посоветовался со «знающими» людьми в селе и утром дал своему сыну острый стальной якутский нож. «Спрячь в штанах, – сказал он. – Когда этот твой новый знакомый вновь придёт играть, сначала делай вид, что всё как обычно, потом ударь его ножом в живот со всей силы». Суровый малыш без зазрения совести согласился убить своего друга.

Наутро ребёнок вновь пришёл в хлев со всякой вкусной едой. Уселся в середине хлева и начал играть один. На этот раз «друг» долго не появлялся, а когда, наконец, выглянул из своего угла, то был явно насторожен. «Что-то не так», – подозрительно говорил он, на что малыш ответил: «Да ладно тебе, всё нормально, иди сюда, я много еды тебе принёс, поиграем». Поколебавшись, парень в шкурах всё-таки подошёл к ребёнку и начал уплетать лепёшку. Тут-то малыш и улучил момент, когда он отвлёкся, вытащил нож из штанины и ударил его острым лезвием прямо в живот.

Хлев наполнился пронзительным визгом, ребёнок потерял сознание. Когда он пришёл в себя, то увидел, что он лежит один в хлеву, рядом валяется недоеденная лепёшка, а нож всё ещё у него в руке, причём лезвие запачкано очень тёмной и густой, почти чёрной кровью. От «друга» и след простыл.

Больше паренёк в шкурах не появлялся, а скот наконец начал нормально рожать.

«ДОРОГАЯ, Я ПРИШЁЛ!»

Молодая семья (муж, жена и маленький ребёнок) переехала в другое село и поселилась в старом доме, который, хоть и ветхий, но был вполне ещё пригодным для жилья. Сначала всё было хорошо, но потом жена стала чувствовать себя в доме тревожно. Она не говорила мужу об этом, пока однажды ночью не проснулась и не увидела, что на кровати рядом с ней лежит старая женщина с красным лицом и смотрит на их ребёнка, который спал в коляске. Жена впала в истерику: «Не-е-ет! Изыди, не трогай моего ребёнка!». Муж проснулся и начал её успокаивать, а она ему: «Вот, на нашей кровати лежит абасы!». А он не видит. Между тем женщина с красным лицом неотрывно смотрит на ребёнка, и жена на грани сумасшествия. Пока они там возились, женщина вдруг исчезла.

Неизвестно, почему после такого жуткого случая они сразу не уехали из дома, а продолжили жить, как ни в чём не бывало. Потом муж вдруг умер в автокатастрофе. Для молодой жены с ребёнком на руках это был страшный удар – она на пару месяцев впала в прострацию. Постоянно плакала, а когда засыпала, ей снился умерший муж.

И вот однажды ночью лежит несчастная вдова у себя в спальне, ей опять не спится. И вдруг она слышит, как отворяется дверь наружу. Она сразу встревожилась, хотела встать, но что-то заставило её остаться на месте. Доски пола скрипят под тяжёлыми шагами, и голос мужа громко произносит: «Дорогая, я пришёл!». Жена в шоке – быстро отворачивается лицом к стене и вся дрожит. Муж ещё раз: «Это я, ты меня слышишь?». Потом шаги проследовали на кухню, и голос воскликнул: «Ого, да ты вафли приготовила! А я как раз чертовски голоден». Судя по звуку, пришедший стал есть вафли, которые действительно были на столе. После этого шаги направились в спальню. Жена закрыла глаза, чтобы не сойти с ума. Мёртвый муж подошёл к ней сзади – на спину дохнуло холодом, появился запах сырой земли. Он спросил: «Что ж ты на меня не взглянешь?» – и поцеловал её в голое плечо. От этого поцелуя у женщины всё тело онемело, она стала терять сознание. А голос меж тем заявил: «Ну ладно, раз ты не хочешь сейчас разговаривать, то я потом зайду», – и шаги вышли из спальни. Снова скрипнула дверь. Женщина долго лежала, боясь даже дышать, потом встала, зажгла свет, проверила спящего малыша. Плечо болело. Она посмотрелась в зеркало – на месте поцелуя остался большой красный засос. Позже обнаружилось, что вафли на столе пропали.

Наутро она пригласила в дом местную женщину-экстрасенса. Та, едва войдя в дом, поразилась: «Какое злое место! Как ты вообще можешь с маленьким ребёнком проживать в таком доме?». По её словам, всё здание так и кишело нечистой силой. Она добавила, что в доме обитают среди прочего и добрые духи, которые по мере сил пытаются защитить жильцов от нападков нечисти. «Добило» вдову то, что экстрасенс долго всматривалась в окно спальни и заявила: «Немедленно съезжай, иначе быть беде. Со стороны леса (а

там как раз было кладбище) сюда идёт очень сильный юёр» (юёр, как упоминалось – неупокоенный дух мертвеца). Женщина пришла в ужас и в тот же день съехала из дома. Больше мёртвый муж ей не снился, а нехороший дом так и остался стоять пустым.

ДЫХАНИЕ ЗА ОКНОМ

Якуты боятся мертвецов. Их, собственно, все боятся, но по якутским поверьям, если покойник в любом виде (во сне или в реальности) привидится живым людям, в особенности родственникам, то можно быть уверенным, что его дух «тянет» душу живого на тот свет. Исключения, конечно, есть (например, если во сне недавно усопший родственник передаст какую-нибудь просьбу вроде «скажите моей дочери, что под подушкой спрятаны деньги»), но обычно видеть покойников не к добру.

Жил в селе старик-пенсионер. Дом у него был большой, а из родни никого не было, так что он решил сдать комнату практикантке, которая проходила стажировку в местной больнице. Отношения между хозяином и девушкой были спокойными, никто никому не мешал, иногда по вечерам болтали о том о сём.

Однажды зимним вечером девушка возвращалась из больницы. Входя во двор, она услышала где-то во дворе хруст снега. Темнота не позволяла видеть, кто это, но она подумала, что старик какие-то свои дела делает. Но её удивило, что человек очень сильно то ли пыхтел, то ли стонал, будто задыхался. Девушка громко спросила: «Кто это?» – и тут же шаги и странное дыхание стихли. Постояв немного, девушка почувствовала себя неуютно и вошла в дом. Старик сидел у печи, и она поняла, что это никак не мог быть он. Она решила ничего не говорить, чтобы не пугать старого человека. Сели ужинать, и девушка заметила, что старик какой-то грустный. На её вопрос, что случилось, он ответил: «Лёг после обеда вздремнуть, и мне приснился мой младший брат, который умер двадцать лет назад. Всё звал меня пойти с собой, но я отказывался. Плохая это примета». Девушке стало ещё страшнее, но она промолчала.

Наступила ночь, и они разошлись по своим комнатам. Девушке не спалось, она всё ворочалась на постели. Старик спал в соседней комнате, и она хорошо слышала его неровное дыхание. Вдруг на улице, прямо под окном девушки, опять захрустел снег, и раздалось то самое прерывистое, похожее на стон дыхание – будто кто-то только что пробежал целый марафон и теперь задыхается. Девушка накрылась одеялом с головой, умирая от страха. Прошла минута, и, хрустя снегом, невидимый гость переместился к окну в комнате старика. И тут же девушка услышала, как характер сонного дыхания старика поменялся: он тоже начал пыхтеть и хрипеть, ворочаясь на постели. Девушка подумала, что надо бы его разбудить, но «гость» за окном тоже дышал почти в унисон со стариком, и она побоялась вылезти из-под одеяла. Не знала, сколько это продолжалось, но в итоге уснула.

Наутро, когда рассвело, первым делом она вышла в уборную и исследовала снег – никаких следов. Вздыхнув с облегчением, она зашла завтракать. Старик был ещё более мрачен, чем вчера – рассказал, что ему опять приснился брат, на этот раз злой и решительно настроенный силой увести его с собой. «Я боролся, как мог, но он всё равно меня сбил с ног и утащил», – вздохнул старик. Девушка тут, наконец, решилась рассказать о том, что она слышала. Услышав это, старик

и вовсе впал в уныние: «Разбудила бы ты меня, пока он меня не одолел. Это точно был он – я помню, как он жутко хрипел, когда умирал от туберкулеза. Теперь я конченный человек».

И действительно, не прошло и недели, как старик слег, да так и не смог оправиться. Похоронили его рядом с братом.

СУНДУЧНЫЙ ВЕЧЕР

В продолжение темы об отношении якутов к мёртвым людям.

Есть такое поверье – «сундучный вечер» («дьааһык кизэһэ»). Так в деревнях называют вечер дня, когда кто-либо умер или кого-то похоронили. Считается, что в такие дни «с той стороны» приходят духи, чтобы сопроводить душу усопшего на тот свет, и поэтому граница между зримым и незримым истончается. Могут повылезать и те, кого, как говорится, не звали – поэтому в сундучные вечера не принято громко шуметь на улице, веселиться и прочим образом привлекать к себе внимание, иначе на шум могут собраться весьма нежелательные «товарищи». Для больших поселений и городов, где каждый день кто-то умирает, это понятие, естественно, теряет свой смысл, но в деревнях и в наши дни очень сильно распространено это поверье.

В одном селе умер пожилой старик, у которого было много родни. Скорбящие родственники съехались в село, чтобы подготовить достойные похороны. С ними приехали их дети и быстро успели подружиться друг с другом. Было лето, и вечером новые друзья устроили игры на свежем воздухе. Конечно, это всё сопровождалось криками и смехом. Из старых людей некоторые одергивали их – мол, «сундучный вечер», не стоит так резвиться, но в основном дети были предоставлены сами себе.

Когда салки надоели, дети начали играть в прятки во дворе. Сначала вёл один приезжий мальчик лет десяти. Дети исчезли по закоулкам, и он начал искать. Кое-кого быстро нашёл, а потом забрёл в зимний дом, который на летнее время пустовал и использовался как склад. Хотя и стояли летние ночи, внутри дома был сумрак. Парень заглянул в комнаты – никого. Уже выходя на улицу, он обратил внимание на большой шкаф-вешалку с закрытыми дверями – внутри вполне могли попрятаться маленькие родственники. Он рывком открыл его, но внутри лишь висели зимние одежды. Он заподозрил, что за ними могут стоять дети, и стал щупать одежду. Проводя рукой снизу вверх по рукаву большого зимнего пальто, парень вдруг нащупал что-то холодное. Посмотрел – а за рукавом пальто блестел нож. Он удивился и стал щупать дальше. Оказалось, нож держала чья-то рука, холодная, как лёд. Парень отодвинул пальто и увидел, что за ним прячется без малого двухметровый человек, который смотрит на него сверху вниз. Полутьма не позволяла разглядеть его лицо, зато в нос ударил смрадный запах. Заорав дурным голосом, паренёк выбежал из дома и рассказал всё детям. Те гурьбой зашли в дом и проверили шкаф – ничего, только одежда. Над парнем посмеялись – мол, трусишка, – и продолжили игру.

Следующим вёл другой мальчик. Все попрятались, мальчик отправился на поиски. После некоторых блужданий он вошёл в хлев, который был построен на дальнем углу усадьбы. Так как в хлеву окна очень маленькие, то света внутри было немного, но мальчик отчётливо увидел, как в углу в тени прячется человек. «Ну, всё, я нашёл тебя, – заявил мальчик. – Выходи!». Тот, не двигаясь с места, прижал руку ко рту, словно игриво предлагая сохранять тишину, и стал

тихонько посмеиваться, будто ему очень весело. Мальчик подошёл к нему со словами: «Выходи, я сказал!» – и с близкого расстояния увидел, что это вовсе не его друг, а какой-то лысый голый человечек с несоразмерно высоко расположенными (чуть ли не на лбу) блестящими круглыми глазами, пухлым бугристым животом и чёрным языком, свисающим изо рта до шеи. Паренёк в мгновение ока оказался на улице.

Когда ребёнок прибежал к родителям в истерике и пересказал им всё, взрослые запретили детям в ближайшие дни играть на улице.

ЗВУКИ НИОТКУДА

В якутских деревнях, в полянах и в лесу часто можно услышать разные звуки и голоса «ниоткуда», источник которых невозможно определить. Это не считается особо страшным явлением – мало ли что прислышится. Но бывают и жутковатые случаи.

Некий мужчина жил в деревне и как-то летом, искупавшись сверх меры, заболел пневмонией. Долго болел и, наконец, пошёл на поправку. Лежал, естественно, на больничном отпуске, поэтому не работал и днём бывал дома. Надо отметить, что их дом находился на окраине деревни недалеко от лесной опушки.

И вот ясным солнечным днём, почувствовав себя хорошо, мужчина решил прогуляться на улице. Дыша свежим воздухом, он слышал странные резкие звуки. Сначала он никак не мог понять, откуда они доносятся, но так как поблизости ничего шумного не наблюдалось, он решил, что звуки идут со стороны леса. Он пошёл к опушке – и действительно, звуки стали громче и отчётливее. Заинтригованный мужчина пошёл дальше, чтобы увидеть, что же там такое – думал, может быть, в лесу идёт стройка какая-нибудь. Звук был очень близко, но, тем не менее, ничего не было видно, и человек углубился в лес. Он, наконец, определил, что это за звук – точь-в-точь такой, какой издают деревянные доски, когда их бросают друг на друга (довольно часто можно слышать во время строительства деревянного дома). Но звук был как-то чересчур ритмичен и постоянно отдалялся, сколько бы человек ни шёл. Он уже проник довольно глубоко в лес, а звук был всё равно на некотором расстоянии впереди. Мужчина начал тревожиться, поняв, что дело нечисто – тем более что постепенно источник звуков переместился куда-то вниз, будто он доносился из прогалины или вообще из-под земли. Но в этой местности никакой прогалины не было. Тем не менее, мужчина шёл вперёд, надеясь, что его просто обманывает слух. И тут он наткнулся на старое, заброшенное ещё в досоветские времена кладбище. Место возникновения звука досок определилось чётко – из-под земли под древними могилами. Тут уж у человека пошли мурашки по коже, и он бросился бежать обратно.

Тем вечером он обо всём рассказал родным, а сам впал в тоску, ибо в Якутии известно, что необъяснимый звук деревянных досок, будь то во сне или наяву, не к добру для услышавшего (ассоциации с созданием гроба, то есть смерть близко). Так и вышло – уже наутро пневмония снова обострилась, и через пару дней мужчина умер.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Время действия – 70-е годы. Жила одна якутская деревенская семья с двумя детьми. Мальчик был младше сестры на несколько лет и рос очень болезненным – постоянно хворал, а в те периоды, когда был здоров, получал всякие травмы. При этом девочка говорила, что эти травмы и болезни не просто так – мол, время от времени к ним приходят какие-то «гости», которых взрослые не видят, и тогда с братиком и начинают всякие неприятности происходить. Никто ей особо не верил. Повзрослев, девочка рассказала подробно о нескольких запомнившихся случаях.

Первый случай. Дети играли возле дома на песочнице, и вдруг девочка заметила, что возле амбара стоит и смотрит на её братика какая-то старушка в белой изорванной одежде. Она сначала не удивилась – может, к бабушке какая-то знакомая пришла? Но потом, когда эта старуха простояла там без движения несколько минут, девочка стала подозревать неладное. И вдруг заметила, что у неё нет тени. У амбара рядом есть тень, а у неё нет. Испуганная девочка схватила братика и потащила в дом, а старуха так и осталась провожать мальчика взглядом. Тем же вечером мальчик тяжело заболел, долго поправлялся.

Второй случай. Семья обедала в доме, ели рыбу. Вдруг девочка заметила, что за окном по воздуху проплыла оторванная женская голова с длинными развевающимися волосами. Рот шевелился, будто она что-то напевала. Не успела девочка испугаться, как братик поперхнулся рыбной костью. Дело дошло до госпитализации.

Третий случай. Взрослых дома не было, дети играли вместе. Вдруг, кинув взгляд в окно, девочка увидела, как с той стороны у окна стоит какой-то незнакомец высокого роста с очень широким и красным, как помидор, лицом и неотрывно смотрит на её брата. Она испугалась, посмотрела на брата – а тот, до этого спокойно игравший, вдруг встал, подбежал к большой бочке с водой (дело было зимой, в деревнях в это время года обычно набирают воду в большой сосуд в доме на несколько дней вперёд), залез на стул, который стоял недалеко от бочки и упал головой вниз в бочку, полную воды. Сам, естественно, выбраться не мог – был бы один, так и утону бы. Девочка вся измучилась, вытаскивая его оттуда. Мальчик успел наглотаться воды, но умная девочка позвала соседей, и те быстро откачали и отвезли злополучного паренька в больницу. В который раз...

Мальчик кое-как дожил до окончания школы, но во время очередного приступа болезни скончался.

ДАЛЁКИЙ ОСУОХАЙ

Эта история связана не со злыми силами, а с вполне нейтральными и даже благожелательными для человека духами природы, которых иногда при особых обстоятельствах человек может узреть. Впрочем, для неподготовленного человека подобная встреча всё равно может оказаться довольно жуткой.

Молодая девушка проводила лето в якутской деревне. Начиная с июня в средней полосе Якутии стоят белые ночи, и заснуть летом иногда становится проблемой, особенно когда погода душная. Вот и девушке как-то раз вечером не спалось совершенно. Ворочалась она в постели несколько часов, перепробовала все способы погрузить себя в сон: читала книгу, считала овец, переворачивала подушку – всё без толку. Когда время перевалило далеко за полночь, она сдалась и решила выйти на улицу, чтобы проветриться.

Дом, в котором жила девушка, находился на окраине деревни. Дальше было только поле, а за ним – лес. И вот, стоя на крыльце, она услышала, как со стороны поля доносятся отзвуки какого-то большого хора – как будто собрался народ и поёт. Девушка заинтересовалась и выглянула за калитку. Действительно, на поле были люди, танцующие осуохай («оһуохай») – так называется национальный якутский танец, хоровод с напевом. Одеты все собравшиеся были очень нарядно. Напев был хорошо слышен, но девушка, как бы она ни прислушивалась, не могла разобрать ни слова. Заинтригованная, она вышла за забор и направилась в поле. Никакой тревоги или страха не испытывала – тёплая белая ночь, вокруг светло, как днём, да и впереди целая толпа, которая что-то празднует – чего тут бояться?

Впрочем, пройдя где-то треть поля, девушка стала замечать неладное. У калитки она видела, что осуохай ведётся в центре поля, а пока она шла, люди каким-то образом сместились дальше, оказавшись ближе к опушке леса, хотя вроде и не отодвигались специально. Напев не стал громче, несмотря на близкое расстояние. Слов по-прежнему было не разобрать, зато хор стал распадаться на отдельные голоса, которые звучали как-то по-особенному нестройно, будто каждый поющий выводил свой особенный мотив, не обращая внимание на других.

Целеустремлённая девушка продолжала идти вперёд, особенно не задумываясь над этими странностями. Чем дальше она шла, тем дальше от неё оказывался осуохай – теперь танец вёлся буквально на границе поля и леса. Хотя на поле было светло, девушка никак не могла различить лиц танцоров, только видела их яркие одежды. В конце концов, пройдя больше половины поля, она вдруг поняла, что никакого осуохая больше нет: люди как-то незаметно растворились в лесу, но отзвуки их бессвязного напева по-прежнему продолжали доноситься из-за гущи деревьев.

Вот тут-то девушку и охватила жуть – она поняла, что стоит совершенно одна ночью в поле. Развернувшись, она побежала обратно. Когда она добралась до своего дома, напев уже умолк, и поле вновь стало пустым.

Утром девушка рассказала домашним о своём ночном видении. На родственников рассказ особого впечатления не произвёл: они только заметили, что если она видела танец духов природы, то это к добру и удаче. Ну и немного пожурили ночную путешественницу за то, что она долго не могла взять в толк, что видит ненастоящих людей – мол, ты бы ещё в лес среди ночи ушла в поисках осухая...

ПРЕДВЕСТИК

Есть такое явление в якутском фольклоре – «бэриэччит». Переводится как «предвестник», «тот, кто опережает». Это двойник человека, который своим видом или голосом может почудиться людям перед тем, как этот человек действительно туда придёт. Обычно считается, что это нормально или даже хорошо – значит, с этим человеком всё будет в порядке в обозримом будущем. Мол, это ангел-хранитель предварительно посещает те места, куда скоро человек придёт, и устраняет мороки и ловушки нечисти.

Одна женщина рассказывала о случае из своего детства. Сидела она одна в деревенском доме, играла с куклами. Вскоре с работы должен был на обед прийти отец. И тут она видит краешком глаза, как мимо окна своим обычным маршрутом проходит отец, через пару секунд за стеной раздаётся его характерное покашливание. Девочка откладывает игрушки и начинает разогревать суп. Ждёт, когда отец зайдёт – а его всё нет. Выходит на улицу – никого. Озадаченная, возвращается в дом, выключает плиту, продолжает играть дальше, но уже в тревоге. Где-то через полчаса ситуация повторяется один в один – мимо окна проходит отец, покашливает, только на этот раз действительно входит в дом. Девочка рассказывает ему о произошедшем, а он радуется – о, мой предвестник приходил, здоровым буду.

УЖАС В ДОМЕ ОТШЕЛЬНИКА

Пожалуй, эта история стоит немного особняком и отличается от остальных рассказов, включённых в этот сборник (при прочтении станет понятно, почему), да и якутского колорита в ней немного, так как все участвующие в ней персонажи являются русскоязычными. Тем не менее, она стоит того, чтобы именно ею завершить вторую часть книги.

На крайнем севере Якутии, где славная река Индигирка впадает в Восточно-Сибирское море, есть село Русское Устье с по-своему уникальной историей. Считается, что оно было основано бежавшими от ужасов опричнины новгородскими поморами в XVI веке, когда русские казаки ещё не присоединили Якутию к России. Именно в окрестностях Русского Устья в начале 1920-х годов и произошла следующая история.

Времена были суровые. Только что отгремели две войны, Первая мировая и гражданская, и в последней одержали верх красные, о чём, впрочем, в подобной глуши люди были немного не в курсе. Чтобы исправить положение, из Якутска был откомандирован проверенный товарищ, прошедший через окопы гражданской. Назовём его Сергей. Задача заключалась в том, чтобы политически просветить тёмное население северных районов и объяснить им, что отныне молиться надо не на боженьку или царя-батюшку, а на Ленина с Троцким. Дороги в те времена были... ну, такими, как и сейчас, так что добирался Сергей долго. Наконец, прибыл и начал методично обходить разбросанные по тундре деревушки, в каждой из которых собирал всех жителей в одно здание и проводил разъяснительную работу, отвечал на вопросы. Люди слушали без энтузиазма, кивали, потом расходились по своим домам и продолжали жить так же, как и раньше.

И вот в одной из таких деревушек произошла заминка. Когда Сергей перешёл от политической части лекции к «атеистической», мол, кровопийцы веками наживались на людских страхах и неведении, и никаких сверхъестественных сил на самом деле не существует, кто-то с места выкрикнул:

– Вот ты так уверенно говоришь об этом, а как тогда объяснишь то, что творится в доме отшельника?

Выяснилось следующее. В некотором отдалении от деревни в тундре стоит домик. Построил его некий свихнувшийся старик-отшельник, но несколько лет назад он помер, и закопали его за собственным домиком. Со временем дом превратился в удобный пункт привала для путников и охотников, и тут-то начало у народа зреть понимание, что дом не простой, а «беспокойный». Рассказывали жуткие вещи – ночью кто-то стаскивал людей с кровати, комнаты наполнялись криками и стонами умирающего старика, да и самого отшельника видели восстающим из гроба. Те, кто проезжал мимо дома в тёмное время суток, замечали пламя свечи в окне, и старик-отшельник в этом колеблющемся свете печально сидел за столом.

Сергей, естественно, про себя усмехнулся и попытался объяснить, что такие жутики имеются в каждой деревне, и что людская фантазия и суеверность и порождают подобные «дома отшельника». Народ с ним был категорически не согласен, многие заявляли, что лично пережили не самые приятные минуты в «доме отшельника». И тогда Сергей, чтобы донести до людей свет истины, пошёл на отчаянный шаг:

– Решено, – сказал он, – я сегодня буду ночевать в этом вашем доме отшельника, чтобы лично доказать, что никакой нечисти там нет и не может быть!

Люди притихли, кое-кто вяло попытался отговорить его от этой затеи, мол, хуже будет, но в целом народ был впечатлён, чего и добивался Сергей. Оставалась самая малость – провести ночь в указанном доме. Для Сергея это было даже удобно: всё равно ночевать где-то надо, на следующий день опять в путь, а тут целый дом в его распоряжении. Правда, кучер, который его развозил во время всей его миссии, наотрез отказался идти с Сергеем «нечистое» место и по любезному разрешению главы села поселился в его доме. Местные показали Сергею, как дойти до проклятого дома, но проводить его никто не стал. Бравый большевик взял с собой мешок провианта, проверил, все ли в порядке с верным револьвером и потопал в тундру. Кругом был мрак полярной ночи.

Шёл к дому отшельника долго, едва с непривычки не заблудился в тундре. На вид это был простой крепкий бревенчатый домик, и видно, что в своё время им активно пользовалось местное население: вот и поленница старая за углом, и выгребная яма наполовину заполнена... Сергей зашёл в дом и обнаружил там русскую печь, стол, стулья, простую деревянную кровать и даже котёл для воды. Настроение приподнялось, и, насвистывая «Смело, товарищи, в ногу!», он стал обустраиваться в месте для ночлега: растопил печь остатками дров, набрал снега в котёл, поставил на плиту и, когда снег растаял, разбавил воду принесённым с собой суповым концентратом. Когда пламя разгорелось и в доме стало тепло, разделся-разулся, положил на стол оружие и пошёл обходить комнаты. Везде было пусто, как и положено, но его удивило отсутствие пыли и затхлости, которые присущи заброшенным домам. Проведя инспекцию, Сергей вышел на улицу отлить.

Стояла морозная погода, небо было усеяно звёздами. Поеживаясь, Сергей быстро сделал в отхожем месте свои дела и, возвращаясь обратно чуть ли не бегом, внезапно остановился, заметив нечто невероятное: по окну, освещённому пламенем печи, отчётливо скользнула чья-то изломанная тень! Несмотря на весь свой атеизм, Сергей почувствовал, как по спине побежали мурашки. Но он быстро взял себя в руки и, списав всё на обман зрения, заскочил в дом. Внутри, конечно, никого не было, только кипел на плите уже готовый суп, распространяя по дому свой аромат.

За ужином Сергей чувствовал себя напряжённо, то и дело застывал с ложкой в руках, хватался за револьвер и прислушивался к звукам. В доме было тихо, только гудела печь. Время шло, со временем он подзабыл о странном

происшествии, расслабился, закончил ужин и сел у печи, читая принесенную из Якутска книжку. И тут в соседней комнате что-то гулко стукнуло. Сергей сам не запомнил, как оказался на ногах с револьвером в руке.

– Кто здесь?!

Никто не отозвался. Сергей повторно проинспектировал весь дом и опять ничего не нашёл. Почесал затылок: «Что вообще происходит?» Но едва вернулся к своей книге, так звуки опять возобновились: какие-то шорохи и неясные поползновения без ясного источника начали растекаться по всему дому. Как только Сергей приходил в комнату, там всё прекращалось, чтобы через несколько мгновений возобновиться в другом месте. Сергей весь вспотел. Как так? Неужели здесь действительно происходит что-то за гранью понимания, и всё это время он был неправ? В глубоком смятении он вышел из дома, подышал морозным воздухом и пожалел, что ввязался в эту дурацкую авантюру, а не сладко спал в доме главы, как кучер. Вернулся в дом посвежевшим, и паранормальная активность на время опять стихла.

Настало время сна. Печь уже давала света совсем чуть. Сергей не стал раздеваться, растянулся на кровати как был и постарался уснуть. Но не тут-то было: опять непонятные звуки по дому, только на этот раз ужасно похожие на человеческий шёпот и стон. «Это всё мне кажется», – убеждал себя Сергей, но тут произошло то, что никак не могло просто показаться: сама собой отворилась дверь дома, холодный воздух клубами стал вползать внутрь, и из этой дымки в полутьме зловеще выскользнул ветхий гроб, проводя своими шершавыми досками по полу. Сергей обомлел и только наблюдал, как крышка гроба с грохотом отвалилась и оттуда начал восставать худой, как скелет, старик безумного вида. Он нашёл взглядом Сергея, и на лице появилась жуткая ухмылка. Дом наполнил смех:

– Э-хе-хе-хе!

Его смех множился, расходясь разными голосами по всем комнатам: «Э-хе-хе-хе!». Сергей встряхнул головой, выхватил из-под подушки револьвер, навёл на старика выстрелил сразу несколько раз. Наваждение не развеялось: улыбка так и осталась на лице мёртвого отшельника, он вытянул вперёд руку и раскрыл ладонь. Выпущенные по нему пули со звоном упали на пол.

– Э-хе-хе-хе!!!

У Сергея зашевелились волосы на голове, его охватил первобытный ужас. Он выронил бесполезный револьвер. Осталась только одна мысль: «Как так???» Он уже готов был бежать через окно, чтобы не видеть восставшего из мёртвых старика-отшельника и не слышать многоголосый демонический смех, заполняющий, казалось, весь мир. В последний момент вспомнив о запасном нагане (сохранилась с войны привычка носить с собой два вида оружия на случай, если один из них откажет), он вытащил его из кармана и пальнул в нечисть. С криком: «Ой, что?!» – старик рухнул обратно в гроб...

Наутро Сергей вернулся в деревню не один, а конвоируя сразу троих человек. Четвёртый – «старик-отшельник» – умер от полученной раны.

Оказалось, это группа крупных белогвардейских лидеров, эсеров и меньшевиков, которые после разгрома Колчака в Сибири сбежали на север, чтобы через Восточно-Сибирское море покинуть Россию. Но по каким-то причинам план сорвался, и они застряли у Русского Устья на зиму. Весной, после восстановления навигации, их всё-таки должны были забрать, а до той поры они тайно поселились в «доме отшельника». Чтобы не появляться перед местными жителями, которые запросто могли донести до советских властей о странных незнакомцах, явившихся в деревню, они имитировали паранормальную активность в доме, в то время как сами поселились в подполеземлянке, вход в который тщательно замаскировали. Согревались не большой печью, а буржуйкой, дым из которого отводился за ближайший сугроб и практически не был замечен. Сообщник из местных, который и должен был организовать переправу, регулярно привозил им еду и сообщал последние новости (он и подсказал идею устроить весь этот паранормальный цирк, так как у местных после смерти отшельника дом и до того имел достаточно дурную репутацию – шутка ли, могила под боком). О том, что в доме будет ночевать большевистский комиссар, он их предупредить не успел, и поэтому они совершили роковую ошибку, принявшись терроризировать Сергея. Некоторые сомнения вызвал револьвер, патроны в котором один из них заменил на холостые, пока Сергей отлучался в отхожее место. Но в то время у многих даже в тех краях разными путями оказывалось военное оружие, и наличие револьвера было воспринято как повод устроить первоклассное представление, которое надолго отведет любопытствующих от «дома отшельника» и позволит благополучно продержаться до весны. Но о запасном нагане Сергея они знать не могли.

ЧАСТЬ 3. ЗОВ БУБНА

КАК СТАНОВЯТСЯ ШАМАНАМИ

В дореволюционные времена шаманов в Якутии было довольно много – чуть ли не в каждом селе был свой шаман. Потом с приходом коммунистов к власти и связанным с этим продвижением атеизма и борьбой с непролетарскими элементами поголовье шаманов сильно снизилось. Но всё-таки и по сей день есть почитаемые старцы, к которым со всех концов республики приезжают просить совета или лечиться, если медицина бессильна.

У якутских шаманов по «уровню силы» есть три касты – мелкий шаман, средний шаман и великий шаман (к какому именно относится шаман, зависит только от врождённой способности, великих шаманов было очень мало). Также шаманы подразделяются на хищных («чёрных») шаманов и не хищных («белых»). Между ними особой разницы нет – просто хищный шаман не гнушается использовать свои силы против людей. Но обычно шаманы не стремились убивать простых людей, разве что только особо ненавистных врагов. Зато вот между собой конкурировали будь здоров. Великие шаманы всю жизнь вели войны между собой, насылая друг на друга проклятия и порчи.

Интересно, что женщины-шаманки или «удагáнши» («удаҕан») – их за всю историю раз-два и обчёлся – считались на голову превосходящими шаманов-мужчин. Как правило, если женщина становилась шаманом, то великим или хотя бы средним. Можно вспомнить великую удаганшу Алысардах, которая на своём довольно молодом веку поубивала чуть ли не половину остальных шаманов своего времени, а другую половину пожалела разве что по доброте душевной.

Инициация шаманов, как говорят, происходила в раннем детстве, обычно совпадая с началом периода полового созревания (или даже раньше). Например, инициация Девятного («Тоҕустаах»), великого шамана из Усть-Алданского улуса, произошла так. Мальчику было девять лет, и он остался днём дома один, родители куда-то ушли. Он сидел в балагане и играл на полу, когда во дворе вдруг послышался топот целой армии коней. Мальчик, естественно, испугался и спрятался под кровать. Кони остановились, потом послышались чьи-то тяжёлые шаги, идущие от коновязи в сторону балагана, причём не ко входной двери, а напрямую в сторону стены, возле которой под кроватью сидел мальчик. У стены шаги затихли, и чей-то голос зычно произнёс прямо над его головой: «Вот где ты! Наконец-то девятилетние поиски окончены!». Вслед за тем мальчик сразу потерял сознание. Родители, вернувшись домой, нашли ребёнка лежащим в бреду и горячке на полу. Послали за лекарем и шаманом. Шаман, осмотрев мальчика, запретил его трогать – пусть лежит на кровати, только кормить не забывайте. Мол, душа паренька покинула тело и находится далеко в междумирье на обряде инициации шамана.

Насчёт этого «междумирья». Чаще всего говорят, что дух-посланник доставляет душу избранника на одно из священных мест Якутии, и там начинается страшная процедура, называемая «расчленением» («эттэнии»). Уже по одному названию понятно, что ничего приятного для будущего шамана в этом нет. Вот как вспоминал о своём «расчленении» один средний шаман:

«В тот день шла гроза, и я побежал в луг, чтобы найти корову с телёнком и загнать их в хлев. Загоняя скот, я увидел во свете вспышки молнии, как посреди луга появилось огромное дерево, на вершине которого сидела странная птица, неотрывно глядящая на меня. От её тяжёлого взора мне стало плохо, и я словно куда-то провалился [Примечание: парня нашли только следующим утром на опушке леса голым, залезшим на дерево и дрожащим всем телом. После этого его привезли домой, он лежал без сознания три месяца, лишь открывал рот во время приёма пищи. Поэтому субъективные переживания, описанные ниже, происходили именно во время этого трехмесячного беспомощства].

Очнулся я на вершине громадной горы, нависающей над широкой рекой с очень бурным потоком [Примечание: судя по описанию, это безымянная священная гора в устье реки Лены – место, где проходил обряд инициации многих якутских шаманов. Интересно, что точное местоположение этой горы неизвестно, если это вообще реальный географический объект]. Я некоторое время лежал, глядя на бескрайнее небо надо мной, не в силах шевельнуться. Потом ко мне вразвалочку подошёл гигантский человек с медвежьей головой, в руках он держал пику и большой топор. Первым делом он вонзил пику на землю рядом со мной, а потом своим топором отрубил мне голову. Больно не было. После этого он насадил на пику мою голову так, чтобы я мог видеть, что он делает с моим поникшим телом. Он методично расчленял моё тело на мелкие куски плоти в течение нескольких часов, а потом, когда он закончил, на гору с небес приземлились три существа, напоминающие больших птиц с человеческими лицами. Они стали сортировать куски моей плоти по нескольким кучам, споря о чём-то между собой. Между делом они поругали человека с медвежьей головой за то, что во время расчленения он умудрился потерять где-то один палец моего тела. Потом они улетели, и я увидел на небе летящую с севера тучу металлического цвета. С тучи на гору спикировала орда демонических существ, которые тут же принялись пожирать мою плоть с левой кучи, явно наслаждаясь этим. Что странно, после пожирания они тут же изрыгали плоть обратно или даже не глотали, а лишь облизывали. Потом они улетели, и с запада прилетела медная туча, оттуда спустились другие человекоподобные существа, подошли к центральной куче, и всё повторилось. Потом прилетела серая туча с юга, появились хихикающие бледные твари и стали жрать правую кучу плоти...

Наконец, когда все ушли, появились вновь птицеподобные и стали складывать моё тело вновь из кусочков, скрепляя их между собой собственной обильной слюной. Я со своей пики с удивлением смотрел, как срастаются мясо, мышцы и кости. Это длилось довольно долго... В конце концов человек с

головой медведя сдёрнул мою голову с пики и положил на шею моего тела, один из птицеподобных искусно облизал шею по кругу, и моя голова срослась с телом... Я упал, не удержавшись на ногах, и напоследок услышал, как они надомной торжественно провозгласили: «Теперь ты свободен! Поднимись, созданный по высшему велению помазанный Севером средний шаман!». Вслед за этим я немедленно снова потерял сознание и очнулся у себя на кровати. Мне сказали, что прошло уже три месяца с тех пор, как я заболел...»

Переживания этого шамана надо понимать так, что его астральное тело расщепили на отдельные частицы и повязали их с духами-покровителями Севера, Запада и Юга, которые специально прибывали (а так как сама инициация происходила на священном месте Севера, то он стал шаманом, помазанным Севером). Считается, что дух, присутствовавший на инициации шамана и лакомившийся его телом, отныне будет благожелательно к нему настроен и будет слушаться его просьб. По этой же причине инициация великого шамана длится дольше, тело расчленяется на более мелкие куски, и «гостей», желающих его пожрать, бывает больше.

УДАГАНША АЛЫСАРДАХ

Есть много легенд о вышеупомянутой удаганше Алысардах – в основном про то, как она убивала враждующих с ней шаманов и про то, как она развлекалась, переубеждая скептиков, которые объявляли, что не верят в её силу. Здесь будет приведено по одной характерной истории из каждой категории. Кстати, по описанию современников, выглядела удаганша как самая обычная девушка – не выдалась ни ростом, ни какими-то демоническими особенностями внешности, по телосложению и чертам лица казалась хрупкой и беспомощной. Многие упоминают, что в обычные дни (не во время камлания) её по незнанию часто принимали за обыкновенную молодую и привлекательную девушку.

Первая история рассказывает о том, как Алысардах расправилась с шаманом из соседнего улуса, которого звали Олесь (Өлүс). Конфликт между шаманами протекал вяло, пока Алысардах из-за чего-то однажды сильно не обиделась на Олесья и обещала в течение лета выжить его из этого света. Олесь, услышав это, занял оборонительную позицию, всё лето очень редко выходил из своего балагана и постоянно проводил какие-то обряды, чтобы защититься. Но всё же иногда он позволял себе расслабиться и как-то жарким июльским днём отправился вместе с родственниками в соседний алас, чтобы покосить сена и искупаться.

После обеда, плескаясь в озере во время очередного перекура, Олесь заметил на западной кромке неба странное одинокое облачко цвета ржавчины. Тут же над аласом, панически каркая, пролетел чёрный ворон. Шаман изменился в лице. Заявив всем присутствующим, что ворон был его родительским зверем и он сказал ему, что Алысардах двинулась в путь по его душу, он срочно покинул поляну и направился в свой балаган. Пока он дошёл до своего дома, облако, всё ширясь и чернея, почти настигло его. Люди, которые попались на пути облака, рассказывали, что от него шёл проливной дождь и кружили очень сильные вихри, причём площадь, которую покрывало облако, непрерывно менялась. Олесь заперся в своём балагане, заткнул все окна заранее приготовленными им заколдованными «клапанами», а сам, одевшись в своё шаманское облачение и взяв бубен, спустился в погреб. Облако приблизилось к его жилищу, и от него спустился громадный чёрный вихрь, который видели люди с отдалённого края поляны. Вихрь некоторое время кружил вокруг балагана, разнося в клочья вещи во дворе, включая коновязь, словно не знал, как подступиться к балагану. Но потом вихрь перескочил на сам балаган и проник внутрь строения через дымоход, который несчастный Олесь забыл прикрыть. Из балагана весь вечер доносились громкие шумы и крики, облако время от времени метало грома и молнии. Ближе к вечеру оно вновь тронулось с места и направилось обратно на запад, постепенно рассеиваясь.

Люди боялись несколько дней подходить к балагану Олесья. Наконец, они поняли, что он уже не выйдет, и набрались храбрости войти. В балагане был

страшный беспорядок. Сам шаман лежал, скрючившись, в углу погребя, прижимая к груди бубен. Лицо его представляло собой сплошное кровавое месиво.

А Алысардах, которая в этих событий плясала в трансе в своём доме, придя в себя, выразила сожаление, что во время похода мимоходом случайно убила двух мелких шаманов из того же района, которые «подвернулись под удар». И действительно, эти шаманы в тот вечер оба сильно заболели и скончались в течение двух-трёх дней.

Вторая история скорее комичная и показывает, что удаганше не чуждо было своеобразное чувство юмора. Как-то в селе, где жила удаганша, проездом были двое каких-то чинов из Якутска (уточним, что время было ещё царское). Услышав, что в селе живёт шаманка, они не особо поверили, но всё-таки заявили к ней с визитом, чтобы взглянуть. Увидев вместо грозной ведьмы молодую девушку, они почувствовали себя вольготнее и стали вести себя развязно: поели, попили, стали обсуждать её между собой вслух, а в конце концов потребовали, чтобы Алысардах показала им «фокус-покус». Та скромно согласилась и стала изображать транс. Мужчины смотрели на неё пять минут, десять, полчаса. Потом им надоело, и они, выругавшись, встали и пошли прочь. Но как только открыли дверь балагана, снаружи в дом хлынула толща воды, будто балаган находился на дне реки. Мужчины моментально промокли насквозь, барахтаясь в ледяной воде, в которой плавали рыбы. А Алысардах только смеялась над ними. Они поняли, что так они скоро утонут, и слёзно попросили её закончить представление. Она милостиво согласилась и велела мужчинам поймать по одной рыбе из воды. С трудом, но им это удалось. Вода меж тем всё прибывала. «Ну а теперь, если хотите прекратить это, – сказала удаганша, – сжимайте эти пойманные рыбы двумя руками изо всех сил!». Мужчины стали сжимать рыбы, а она кричала: «Сильнее! Сильнее!». От напряжения у мужчин аж вздулись вены на висках, а Алысардах, глядя на них, покатывалась со смеху. И вдруг мужчины опомнились, и оказалось, что они стоят в балагане перед целой толпой местных зрителей со спущенными штанами и, пыхтя, сжимают половые органы друг другу. Народ, естественно, весь лежит от смеха. Мужчины бурно покраснели, бросились вон из балагана и больше к Алысардах не возвращались.

ТУНГУССКИЕ ШАМАНЫ

Интересный факт: якутские шаманы во все времена с удивительным единодушием признавали, что они сильно проигрывают тунгусским шаманам, обитающим в северных районах Якутии. Даже великие шаманы побаивались туда соваться – мол, даже не особо сильный шаман-тунгус одной левой уделает наших выскочек. Есть легенда об одном из якутских великих шаманов, который ни с того ни с сего однажды ночью погрузился в летаргический сон и так лежал три года. Потом очнулся и рассказал, что той ночью три года назад он решил повидать свет, вселился в своего материнского зверя – орла и стал скитаться по просторам. Залетел он таким образом куда-то на север и видит – летит на него исполинских размеров филин. Поймал орла, как мышонка, отнёс в своё гнездо и там, навалившись всем телом на него, держал три года, справляя нужду прямо на него. Лишь через три года орлу удалось улучшить момент, когда филин потерял бдительность, и дух якутского шамана, наконец, смог освободиться. Как потом он сказал, филин был одним родительских зверей тунгусского шамана (если у якутских шаманов такой зверь один, то у тунгусских шаманов таковых могло быть несколько).

Заехал ещё в дореволюционное время как-то один якутский шаман средней силы в северные края. Стояла зима, он ехал по лесам и долам на телеге, в которую был запряжен бык. Вёз он с собой, помимо прочего, в мешках большие куски говядины, которыми расплатились с ним в очередной деревушке за то, что он вылечил больного. И вот где-то в середине дороги он пришёл в заснеженную поляну-алас, где стоял маленький ветхий балаган. Сразу было видно, что живёт тут бедный человек, а герой истории, привыкший к трепету и поклонам, не блистал хорошими манерами, особенно в общении с бедняками. Вошёл в дом, а там были лишь старик и старуха. Он им объяснил, что он является шаманом, который по своим важным делам едет мимо, так что, милые люди, накрывайте стол. Хозяева засуетились, сделали ему скудный, но сносный ужин, и довольный шаман уснул.

Наутро встал, позавтракал и поехал дальше, даже словом не перекинувшись с хозяевами. Ехал весь день, а вечером впал в ступор – дорога привела его в тот же алас, откуда он утром выехал. Тот же балаган, те же старик со старухой... Шаман встревожился, проведаль по своим «каналам», что происходит, но так ничего и не понял. Что поделать – зашёл в балаган, сказал, что телега сломалась, поэтому он потратил весь день на ремонт и решил заночевать у хозяев ещё раз. Старик и старуха отреагировали спокойно. Опять был ужин, потом шаман долго ворочался в постели в беспокойных мыслях.

Утром опять уехал. День выдался ненастный, дорогу замело снегом, но бык упорно шёл вперёд. Вечером впереди замелькали искры из печной трубы балагана. Естественно, того самого.

Тут уж шаман понял, что нечисто дело – попался он в ловушку более сильного колдуна. Но какого? Он по-прежнему не ощущал поблизости

присутствия другого шамана. Пришлось войти в третий раз в один и тот же балаган на ночёвку. На этот раз он даже оправдаться как-то не пытался. Старик со старухой только переглянулись. Позже, когда пришло время ужина, старуха намекнула, что есть нечего – шаман за предыдущие дни всё съел. Может, у гостя найдётся угощение для хозяев? На это наш герой, думая о мясе на телеге, только буркнул, что не намеревается он делиться своей едой с простым человеком.

Тогда поднялся старик и заявил: «Ну, негоже оставлять гостя голодным, придётся тогда своё мясо сварить». Шаман в недоумении смотрел, как старуха принесла старику острый топор, а тот сел на пол, оголил себе правую ногу, потом взял топор и хватил себе по бедру. Кровь брызгами, торчащая кость, шаман в шоке, а старик со старухой знай себе деловито продолжают рубить тому ногу. Отделили ногу, потом старик, подпрыгивая на одной ноге, стал рубить ногу на куски. Закончив, отдал это добро старухе и велел ей приготовить суп. Та взяла мясо и отошла в сторону печи.

Тут уж приезжий шаман догадался, кто над ним «подшучивал» все эти три дня. Упав перед одноногим стариком на колени, он взмолился, чтобы тот его простил – мол, не знал, кто ты, не убивай,пусти, признаю свою глупость. Старик, обвернув культю тканью, сел на свой стул и молчал. Шаман убивался всё больше, вымаливая прощение. Посулил ему всё добро, что с собой вёз, и быка с телегой в придачу. Между тем суп был готов, и старуха призвала всех ужинать. Старик жестом велел шаману сесть за стол. Пришлось ему вместе с ними сидеть и есть эту жуткую похлебку. Впрочем, суп был вполне себе вкусный, без всякого постороннего привкуса. Так и легли спать. Шаман, естественно, всю ночь не спал, но убежать не пытался – знал, что ничего не выйдет.

Утром старик, наконец, разомкнул уста (кстати, его нога утром «приросла» обратно и выглядела целехонькой). Он разрешил гостю убираться вон из его дома, оставив все свои вещи и быка. Шаман с громадным облегчением выскочил из балагана. Прежде чем пойти по дороге, он посмотрел на свою телегу и увидел, что один из мешков с мясом открыт, и оттуда пропал приличный кусок говядины – как раз такой, чтобы хватило на хороший суп...

Весь день он шёл по снегу и в итоге добрался до аласа, где жила большая семья. Они-то ему и рассказали, что по пути к ним живёт шаман тунгусских кровей со своей женой.

ШАМАНЫ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

При советской власти шаманов стали преследовать, поэтому их стало мало. Но это вовсе не означает, что они выродились или что раньше все они были шарлатанами – просто ушли в подполье, стали скрывать свои способности, подавлять проявления своей силы. Но шило в мешке не утаишь, и инциденты время от времени случались.

Это произошло в сталинские времена. В небольшой деревне центрального района жил человек, который втихаря предоставлял местным «услуги шамана». Народ говаривал, что если бы он специально не скрывал свою силу, то мог бы стать большим шаманом. В конце концов, когда аж люди из других районов стали приезжать к этому человеку, столичный НКВД решил взяться за «распространителя мракобесия». Приехали специально по его душу, ворвались в дом, арестовали. Повезли в Якутск на лошадях. Путь был неблизкий, ехали долго, пока не стемнело. А как стемнело, один из конвоиров внезапно обратил внимание, что лошадь шамана идёт без всадника. Деться он никуда не мог – только что был тут, никто не видел, как он убегал, однако же пропал. Подняли тревогу, поехали обратно, приехали за полночь в деревню – а он там спокойно спит, сытно поужинав. Связали по рукам и ногам, погрузили на телегу, повезли на ночь глядя. Где-то в середине пути конвоир в очередной раз заглядывает в телегу – пусто. Стало жутко, но что поделать – пришлось опять назад ехать. Начальник энкавэдэшников поговорил наедине с шаманом, надавил на жалость – мол, я человек подневольный, если я не привезу тебя в город, как мне приказано, то меня самого посадят. Сжалился шаман, сам поехал с ними без всяких веревок. Доехали до города под утро и сразу отправили его в изолятор, да только опять вышла незадача: как только шаман входил во двор, с каждым шагом он начинал распухать, а к моменту, когда он таким образом доходил до здания, уже становился таким большим и бесформенным, что ни в дверь, ни в окно залезть не мог. Что интересно, с каждым шагом обратно он снова уменьшался. Тюремщики были в ужасе. Увидел это большая шишка из НКВД и велел привести шамана к нему. Неизвестно, о чём они говорили, но после этого он приказал отпустить его с миром и даже велел отвезти его обратно в село до дома. Больше НКВД шамана не трогал, да и сам он старался особо не раздражать власти, хотя втайне по-прежнему продолжал помогать людям.

Второй случай тоже примерно тогда произошёл. Этот шаман жил в Вилуйском улусе и был зажиточным крестьянином. Когда коллективизация дошла до уровня «не идёшь в колхоз – гниешь в тюрьме» и стало ясно, что всё добро у него так и так отнимут, он передал хозяйство колхозу, а сам ушёл в леса, где построил себе хижину и промышлял охотой. Был у него один молодой родственник, который периодически навещал его, привозил еду и рассказывал последние новости. Шаман настоятельно рекомендовал ему приходить по утрам или днём – мол, вечером у него там «свои дела». Так молодой человек и делал, но как-то раз сильно запоздал и пришёл к хижине в лесу после заката. Дело

было летом, в Якутии в это время белые ночи, так что всё равно было довольно светло. Зашёл гость в хижину – никого. Удивляется, куда это делся человек на ночь глядя. Вышел обратно, прислушался – а за хижинкой в лесу чьи-то голоса. Вот тут ему стало не по себе. Лес, изгой-одиночка – какой тут ещё разговор, с кем? Немного волнуясь, он всё же пошёл смотреть. Голоса всё ближе – не меньше трёх-четырёх разных людей, причём один из них точно тот самый шаман. В основном он и говорит, а остальные время от времени что-то вставляют да поддакивают. Гость стал прислушиваться. Диалог шёл примерно следующий:

ШАМАН: ... и не творил зла, так за что мне такое наказание? Скажите, разве это справедливо?

ДРУГИЕ ГОЛОСА: Нет!

ШАМАН: Отобрали всё добро, выгнали, как ненужного старого пса, в леса – скажите, терпеть ли мне такую злую обиду?

ДРУГИЕ ГОЛОСА: Нет! Нет! Нет!

ШАМАН: И что же мне делать, чтобы восстановить мне своё доброе имя и вернуть уважение? Есть ли способ?

ДРУГИЕ ГОЛОСА: Есть!

Голоса, естественно, не стройным хором отвечали, а по-всякому, да и не так односложно выражались. Молодой человек перепугался и не стал дальше слушать, о чём там пойдёт речь. Уже отходя назад, он смутно увидел, как шаман сидит на пне среди деревьев, подпирая челюсть руками, а перед ним толпятся какие-то долговязые тёмные существа. Разглядывать их он не стал и дал деру.

Когда он утром вернулся и рассказал шаману, что он слышал и видел вечером, тот всё стал категорически отрицать: «О чём это ты? Я же тут один, с кем я буду тут разговаривать? Пить надо меньше!»

История неполна тем, что в ней не говорится, удалось ли потом этому шаману действительно вернуть всё своё добро. Что-то подсказывает, что да.

ВЕЧЕР ОЛОНХО

Эта история произошла в конце XIX века. Официальными главами селений в то время являлись князья-тойоны из числа богатых якутов. Об одном таком князе из центрального района и рассказывает история.

Князь этот был деспотичным даже по меркам тех тёмных времён – забрал в своём селе всё народное добро себе, построил себе невиданную по роскоши усадьбу, высасывал все соки из бедняков и чинил суд по собственным искажённым представлениям. Однако же дань с населения исправно собирал и отправлял в центр, так что власти им были довольны и не собирались менять на другого.

Однажды осенним вечером в дом пришёл бродяга («кумалаан») и попросился на ужин и ночёвку – обычное явление для тех времён. Как правило, платили за эту услугу бродяги тем, что выполняли какую-либо работу по хозяйству, которую поручал им хозяин. Но этот бродяга выглядел настолько хилым, что князь, бросив на него надменный взгляд, велел выгнать его из двора (что грубо противоречит сельскому якутскому этикету – обычно даже самые испорченные богачи уделяли место таким гостям хотя бы в хлеву). Так и сделали. Но позже князь заметил, что бродяга как-то снова проник в усадьбу и ошивается у крыльца. Князь рассердился, велел поймать настырного гостя и привести к нему. Бродягу приволокли, и князь спросил у него, почему он не уходит.

– Негде ночевать, – жалобно ответил бродяга. – И есть хочется, а идти больше некуда.

– Если я дам тебе пищу и кров, то чем ты, оборванец этакий, сможешь мне отплатить? – насмешливо спросил князь, уже раздумывая, как поиздеваться над бедняком.

– Ну, я не особо много-то могу, – замялся тот. – Зато немного умею рассказывать олонхо.

Тут следует пояснить, что «олонхó» – это вид устного якутского народного эпоса, очень длинное (в десятки и сотни тысяч строк) песенное эпическое сказание о борьбе сил добра и зла. Мастера олонхо, способные часами и даже сутками напролёт безостановочно импровизировать и увлекать слушателей, весьма почитались в дореволюционной Якутии, когда у народа было мало развлечений.

– Да ну? – не поверил князь. – Ты? Мастер олонхо?

– Ну, людям вроде нравится, как я рассказываю, – неуверенно ответил бродяга.

Князь не очень поверил ему, но вечером всё равно делать было нечего, и он решил дать шанс гостю. Олонхо послушать ему хотелось, а если бродяга соврал, то потом можно ему за это устроить страшную кару – тоже неплохое развлечение.

– Тогда оставайся, – разрешил он. – Будешь мне перед сном рассказывать олонхо, пока я не усну. И горе тебе, если твоё олонхо мне не понравится!

На том и решили. Князь опять показал себя не с лучшей стороны и дал гостю в качестве места для ночлега самый дальний и холодный угол дома, где просто постелили жесткую шкуру на пол. Хотя ужин для семьи князя был сытный и много чего осталось, бродяге всё равно дали лишь крохотную порцию творога и кусочек черствого хлеба. Тот ничем не выразил своё недовольство.

Наступил вечер. В печи горел огонь, князь устроился на своей большой кровати с молодой женой. Оба накрылись одеялом и стали слушать олонхо от бродяги. К удивлению князя, тот очень неплохо рассказывал. Время от времени издавая одобрительные возгласы, князь слушал где-то полчаса, но потом ему захотелось справить нужду. Велев бродяге прерваться на минуту, он вышел из дома и пошёл в отхожее место.

Небо было в тучах, накрапывал холодный дождь. Когда князь начал делать то, для чего вышел, вдруг что-то схватило его за плечи и оторвало от земли. Он посмотрел вверх и обомлел: огромный чёрный стервятник зажал в когтях его плечи и уносил его куда-то в небо. Князь стал брыкаться, но потом понял, что если птица его отпустит, то он разобьется, и застыл. Летели долго – холодный воздух успел остудить князя до полусмерти, – а потом стервятник сбросил его вниз на какой-то пустырь, где горел огромный костёр, а вокруг него плясали уродливые голые женщины гигантского роста. Когда князь поднялся, одна из женщин подошла к нему и стала совать сосок пышной груди в рот. Тот пытался отвернуться, но его парализовало, и молоко полилось ему в рот – только это оказалась на поверку кровь, а вовсе не молоко. Чтобы не захлебнуться, князь стал глотать кровь. Напоив его, женщина рассмеялась:

– Теперь ты отведал человеческой крови и отделился от света – ты стал одним из нас!

Князь оглядел себя и удивился: его тело преобразилось, покрылось гнойниками и буграми и стало мало чем напоминать человеческое. Женщина сказала ему:

– Теперь ты обрёл свою истинную сущность, которую скрывал все эти годы. Не зря я отправила к тебе своего верного посланника под видом бродячего певца, чтобы он вырвал твою душу и отправил сюда, в Нижний мир! Теперь ты сможешь отбросить человеческие условности и творить истинное зло.

– А как? – робко поинтересовался князь.

– Мы отправим тебя обратно в срединный мир, и ты сможешь там делать всё плохое, что захочешь.

С этими словами женщина щелкнула пальцами, появились какие-то полулюди-полузвери и окружили князя. С него содрали кожу, сломали шею и повернули голову затылком вперёд, таким образом превратив в юёра; отрезали нос, губы, уши и сняли скальп. Потом стервятник опять унёс корчащегося князя куда-то вверх и сбросил на безлюдной местности. Князь понял, что он оказался в одном из полян недалеко от своей деревни. Солнечный свет причинял ему

боль, а при виде людей у него начиналась паника, и он не мог вернуться в деревню и показываться на глаза людям. Так и ютился он долгие месяцы по замерзшим заброшенным домам и всё больше озлоблялся на весь мир. Когда в его пустую обитель приходили люди, чтобы переночевать, по ночам князь подкрадывался к ним, душил и потом пожирал их плоть – но от этого его голод становился только мучительнее.

Наконец, жители близлежащей деревни решили вызвать шамана, чтобы тот изгнал нечисть, которая убивает людей. Однажды утром на поляну пришёл шаман и стал проводить обряд изгнания нечистой силы. Князь почувствовал себя так, будто горит заживо, и вдруг понял, что его тело действительно охватывают языки пламени, рвущиеся изнутри. Он завопил от ужаса, понимая, что это конец...

... и очнулся на своей кровати. Оказывается, он крепко заснул, слушая олонхо. Жена уже спала, огонь в печи почти потух, а бродяга смотрел на него с полуулыбкой:

– Ну как, понравилось вам моё олонхо? – спросил он. – Вам достаточно? Или мне продолжать?

Очнувшись от ступора, князь вскочил и велел разжечь печь снова. Он приказал приготовить большой ужин и переселить гостя в лучшую спальню. Домашние смотрели на деспота с удивлением – что это на него нашло?

Переночевал бродяга по-царски, а утром князь подарил ему одного из своих лучших коней и дал солидную сумму денег. Попрощавшись с ним, бродяга выехал из двора и уехал из деревни.

И только через некоторое время князь узнал, что недавно через его район куда-то на север по своим делам проезжал инкогнито один из великих шаманов того времени.

МЁРТВАЯ ВОДА

Жил в дремучем уголке дореволюционной Якутии ещё один мелкий князек-тойончик, бед не знал. Да вот только надоела ему его старая жена, которая к тому же оказалась бесплодной, и он стал захаживать налево. Так нахаживал, что одна из его молодых служанок из бедной семьи родила ему младенца, мальчика. Всё это дело очень не понравилось жене князя, но не будешь же ругаться на мужа – в патриархальной Якутии XIX века семейное насилие было не то что нормой, а обязательным элементом в семье любого достатка. С девушкой тоже ничего не сделаешь, она теперь под защитой безумного от счастья мужа (вообще, к бастардам от знати отношение в якутском обществе всегда было намного лучше, чем в той же Европе). И задумала женщина устранить младенца. С этой целью она поехала в другой наслег к местному шаману, который считался «хищным» и мог за достойную оплату тихо выполнять работу своеобразного киллера.

Занесла женщина шаману денег и гостинцев и намекнула, что хорошо было бы, если новорожденный внезапно помер (обычная ситуация в то время, никто бы ничего не заподозрил). Шаман согласился, гостинцы принял, заказчицу и всех домашних спровадил от своего балагана и приступил вечером к обряду. Камлает, вызывает своих нечистых прислужников, а в конце топнул ногой по земле (в балаганах того времени не было пола), земля провалилась внутрь, образовалась яма, которая быстро заполнилась водой черного цвета – мёртвой водой. Шаман взял кусок березовой коры, вселил туда дух младенца и отправил плавать по этой воде. Задача заключалась в том, чтобы шаман и его духи-приспешники кидались камнями в эту кору. Как только удастся сбить кору и погрузить его целиком в мертвую воду, то младенец будет обречен. Набрал шаман камней, пуляет в кору – мимо. Ещё раз, прицелившись, – снова в молоко. Истратил все камни, сходил за новыми, призвал помочь своих приспешников. Продолжалось это до самого рассвета, все камни в возле балагана пошли на дело. Ни разу не попали. Не то чтобы кора специально уворачивалась, просто шамана и его прихвостней то зрение подводило, то руки, то ещё какая случайность. А с первыми лучами солнца вода просочилась сквозь дно, яма заросла.

Когда наведалась заказчица, сокрушенный шаман сказал ей, что младенец оказался с «полной судьбой», ничего с ним нельзя поделать, и предупредил женщину, чтобы она тоже больше встять не пыталась, только себе хуже сделает. А вот гостинцы и деньги он ей не вернул.

ШАМАН-ДЕРЕВО

Мистические способности якутских шаманов ассоциируются с многочисленными внешними «артефактами». Среди прочего есть понятие «ойуун маһа» (шаман-дерево). Однозначно сказать, что это такое, сложно, так как каждый источник выдвигает свой вариант объяснения. Основных версий три: а) это дерево, куда шаман заключает часть своего могущества, чтобы в случае необходимости восстановить силы от него; б) это дерево, где гнездится родительский зверь шамана (если он является птицей); в) это некий особенный артефакт, присущий только хищным шаманам. В общем, ясности в вопросе нет. Известно только, что шаман-дерево не является каким-то особенно заметным деревом и чаще всего располагается в дремучем лесу, словно шаманы пытались своё дерево скрыть и сделать неприметным. При этом считается, что шаман-дерево сохраняет мистические свойства даже после смерти самого шамана. Нижеописанная история связана именно с этим понятием.

Дело было в советское время, в 70-е годы. Стояла осень, и одна сельская семья выдвинулась в лес собирать бруснику. Так как окрестные поляны все уже были разработаны жителями их села, то они решили углубиться подальше в лес в надежде найти плодородное место. Приехали по грунтовой дороге на своём «УАЗике» в глухой лес, вышли из машины и стали разбредаться. Глава семейства, Алексей, как и все, с вёдрами и ковшом-«комбайном» пошёл искать ягоды. Время от времени люди перекрикивались, чтобы не потеряться. Алексей вскоре понял, что место попало неплодородное, и что нужно ехать дальше. Уже собираясь вернуться к машине, он всё-таки сделал ещё несколько шагов, прошёл буквально десяток метров и едва не вскрикнул от удивления: под ногами земля просто краснела от спелых ягод, причём таких крупных, каких он в жизни не видел. Алексей присел, провёл «комбайном» пару раз по ягодным кустикам, и ковш сразу стал наполовину полон. Крикнув своим, чтобы они поскорее бежали к нему, глава семейства стал увлечённо собирать ягоды.

Ведро наполнилось до краёв буквально через пять минут. Довольный Алексей сел закурить, ещё раз кликнув членов своей семьи. Сидел, курил, радовался удаче и обратил внимание, что на краю плодородного местечка растёт лиственница. Дерево как дерево – большое, старое, ветвистое. Заинтересовало Алексея то, что в дереве было дупло, и оттуда выглядывала голова какой-то птицы. Алексей встал, присмотрелся и понял, что это не живая птица, а игрушка в форме птицы, вырезанная из дерева. Алексей удивился, откуда в лесу взялась такая штука, но особого значения этому не придавал. Тут ему захотелось справить нужду, и он, недолго думая, помочился на ту самую лиственницу, так как ягоды портить не хотелось. Покончив с этим делом, Алексей прислушался, не подходят ли уже члены семьи – но нет, было тихо. Он громко позвал жену: «Ма-а-аш!». Жена тут же отозвалась, её голос раздался совсем близко. Понять, что именно она сказала, Алексей не смог и переспросил: «Чего?». Жена что-то опять произнесла из-за ближайших деревьев, но снова очень неразборчиво, да и

не видно было её. Алексей позвал сына: «Валера!». Не успел закрыть рот, как прямо над его ухом сын буркнул: «Да здесь я, обернись». Алексей обернулся – никого, только деревянная птица в дупле изменила своё положение и теперь смотрела прямо на него. Вот тут-то Алексей почувствовал, как по спине побежали мурашки. Забыв о ведре и «комбайне», он бросился бежать. Долго блуждал по лесу, едва не заблудился, но наконец услышал крики своих и вышел к ним. Жена, сын и дочь сказали, что они никаких выкриков не слышали – мол, он просто в какой-то момент перестал им отвечать, они уж сами забеспокоились и пошли его искать. Алексей устыдился своей паники и не стал им ничего говорить про чертовщину – лишь сказал, что нашёл плодородное место. Все стали искать то самое «поле чудес», ходили целый час туда-сюда, но ничего и близко похожего не нашли. Расстроились из-за потерянного ведра и ковша, но что поделать – уехали в другое место.

Вскоре после этого Алексей стал страдать от сыпи неясного происхождения. Красная сыпь покрыла всё его тело от макушки до пяток, вызывая мучительный зуд. Алексей ходил по больницам, врачам, знахарям – всё без толку. Зимой к сыпи добавилось истощение – Алексей едва мог встать с постели самостоятельно, потерял десятки килограмм. В конце концов, по совету друзей он вызвал на дом из соседнего села человека, который слыл «разбирающимся». Тот приехал, внимательно осмотрел его и сказал буквально следующее: «Ты где-то нарушил границу – побывал там, где быть не следовало, сделал то, чего делать не стоило». Стал расспрашивать о том, что происходило с Алексеем за последний год. Вот тут-то Алексей и вспомнил о странном случае в лесу. Человек очень заинтересовался этим инцидентом и высказал предположение, что Алексей наткнулся на шаман-дерево и ненароком оскорбил его – может быть, тем, что начал бесцеремонно наживаться добром, выросшим под ним, может быть, тем, что помочился на него – а может быть, дерево попало само по себе «злое». «В любом случае, – сказал он, – тебе нужно вернуться в то место, найти дерево и извиниться перед ним, поднести дары». Причём Алексею следовало это сделать в одиночку – если он будет искать дерево в компании, то никогда его не найдёт.

И вот в январские морозы больной Алексей сповадился по несколько раз в неделю ездить в зимний лес. Беда была в том, что он не помнил место точно, да и шаман-дерево запросто могло не дать себя отыскать. Но Алексей не бросал попытки до конца зимы – исходил лес возле дороги вдоль и поперёк. А весной он скончался от истощения, так и не найдя то загадочное место. Шаман-дерево не явилось ему во второй раз. Не простило.

АРАНГАС

Группа студентов-археологов Якутского государственного университета в 60-е годы отправилась летом в экспедицию в один из удалённых районов республики. Они там раскапывали и изучали могилы на древнем кладбище. Сначала студентам было боязно, потом ничего, пообвыклись. Затем кто-то из них предложил в выходной день съездить в близлежащий большой алас, где есть озеро и можно искупаться вдали от глаз деревенских жителей. «Соль» была в том, что на окраине этого аласа находилась могила местного шамана, которого жители деревни весьма почитали. Некоторые студенты отговаривали друзей от затеи, но всё-таки время было советское – городская молодежь по большей части не верила в сверхъестественное. В итоге нашлось 8 человек, которые выразили желание сходить в поход.

В намеченный день приехали на автомобиле и расположились возле озера. Поиграли в мяч, искупались, выпили... После энной порции алкоголя все пошли искать ту самую могилу шамана и быстро нашли, так как она была на самом виду. Это была даже не совсем могила, а так называемый арангас («аранас») – тело находилось в деревянном закрытом «мини-склепе» на поверхности (так у якутов было принято хоронить шаманов до принятия христианства). Кое-кто из студентов загорелся идеей вскрыть арангас и посмотреть на останки: «В конце концов, археологи мы или кто?». Девушки всё же отговорили парней от этой затеи, но те всё равно совершили у могилы кучу действий, которые не стоило делать – пошумели, намусорили. Особенно «отличились» двое пьяных парней, которые просто справили нужду у основания арангаса перед уходом. С тем и вернулись в большую общую палатку, разбитую у озера, где легли спать.

Ночью проснулись из-за того, что снаружи началась настоящая буря. Вылезать в такую погоду не решились – просто лежали, разговаривали и слушали жутковатый шум ветра. Вдруг все услышали за этим шумом, как кто-то отчётливо ходит возле палатки кругами. Тут уж у всех душа ушла в пятки, ибо все члены «экспедиции» были внутри палатки, а алас был достаточно удалён от деревни. Самые смелые покричали, мол, кто там, но ответа не добились.

Вскоре стало ещё хуже: кто-то стал со страшной силой долбить по палатке снаружи. Плотная ткань едва не расходилась под ударами. Девушки стали кричать, и тут зычный мужской голос по-якутски велел выйти из палатки тем двум парням, которые справили нужду на могилу шамана, причём назвал их поименно. Те, естественно, стали упираться, но напуганные друзья буквально силой вытолкнули их наружу, несмотря на все протесты. Парни встали, осмотрелись – ничего не видно, темно, ветер беснуется, травы и листья летают по воздуху... Постояли пару минут, продрогли и залезли обратно. Все их друзья и подруги лежали на своих местах, мёртвые, с искажёнными от ужаса лицами. От такого зрелища парни несколько тронулись умом, стали кричать и бегать

кругами. Наконец, кое-как пришли в себя, сели в автомобиль и поехали обратно в деревню, где сообщили в милицию об инциденте.

Дальнейшая судьба этих двоих неизвестна. Известно лишь, что никакой бури в округе в ту ночь не было, и следствие изрядно потрепало парней, но в итоге их отпустили, так как выяснилось, что их друзья все погибли от сердечного приступа.

НЕВЫПОЛНЕННЫЙ ЗАВЕТ

В XVII веке в Якутии жил-был великий шаман. Согласно свидетельствам современников и даже более поздних шаманов – практически величайший за всю историю Якутии. Много он дел при жизни совершил, творил добро, искоренял зло – в общем, оставил большой след в памяти народа. Но к старости лет он сказал, что пришло время ему умереть – точнее, вернуться к истоку (по-якутски «дьабынҥа кэтөр»). И завещание его было такое: «Я чувствую, что столетия спустя после сегодняшнего дня придёт время великих испытаний и свершений. И к тому времени я буду готов вернуться в срединный мир, став ещё более могущественным. Вы узнаете, что время пришло. И тогда пусть к моей могиле придёт одна смелая женщина и оседлает её в полночь. Из-под могилы вылезет большой чёрный паук. Ей будет надобно забрать его с собой, кинуть в чашу с молоком и выпить. Тогда эта женщина станет беременна моим новым воплощением, и я урожусь снова – и приведу род якутский к величайшим вершинам». С такими словами шаман умер. Ему соорудили подобающую могилу, похоронили и, естественно, вскоре забыли.

В конце XIX века по деревушке, рядом с которой была ветхая шаманская могила, прошёлся слух – мол, по ночам люди стали со стороны могилы слышать тяжёлые удары шаманского бубна и видеть блуждающие огни. «Старик камлает, зовёт к себе, пришло время ему переродиться», – шептались люди. Вспомнили о легенде с завещанием, посудачили... и ничего не сделали. То ли за прошедшие столетия смелые женщины в якутских селах вывелись, то ли шаманские заветы перестали восприниматься так уж серьёзно, но не нашлось ни одной женщины, которая пошла бы ночью на могилу. Долгое десятилетие, вплоть до наступления XX века, могила оставалась беспокойной – шаман, жаждущий возродиться, зазывал к себе свою будущую мать, но так никого и не дождался. С началом нового столетия зов бубна слышали всё реже и реже, пока он не умолк совсем.

ПОСЛЕДНИЙ

Напоследок единственная история, где фигурирует лично верховное божество якутской веры – Юрюнг Аар Тойон (Үрүҥ Аар Тойон), «Великий Белый Властелин». Восседает он на своём троне из света на последних девяти небесах и, несмотря на то, что всё мироздание по сути существует по его воле, сам лично в земные дела, да и дела мира духов почти не вмешивается. Тем более интересен случай, когда смертному таки довелось его увидеть.

По сути, это трагическая история о судьбе последнего якутского великого шамана. Великого не в силу упомянутой раньше шаманской классификации, а из-за силы духа и личностных качеств. По официальной иерархии этот шаман был всего лишь средним. Жизнь его выпала на трудное время коренного перелома уклада якутской жизни, войн и лишений – начало XX века. И вот в самый разгар гражданской войны, видя, как кровь льется рекой, брат режет брата и попираются всякие нормы морали, шаман задумался о том, чтобы отправиться с визитом к самому Юрюнг Аар Тойону с челобитной и нижайше просить у него заступиться за гибнущий якутский народ и вернуть в мир равновесие добра и зла. Только вот его ранг ему не позволял наносить такие визиты. После многих недель размышлений шаман в одиночку отправился в долгое путешествие на север, к устью реки Лены, чтобы отыскать там священную первоисходную шаманскую гору, которая сможет придать ему достаточно сил. Дело это сложное, особенно для среднего шамана, но терпение и упорство сделали своё дело, и едва живой шаман наконец в сумерках взойшёл на вершину священной горы, видя, как внизу бурлит река, впадающая в холодное море. Там он начал последнее и главное в своей жизни камлание, заранее решив – что бы ни произошло, больше он бубен в руки не возьмёт. Долго камлал, семь дней и семь ночей без остановки, преодолевая один уровень небес за другим, и чем дальше, тем становилось сложнее продвигаться. На третьем уровне за ним гнались огнедышащие скакуны покровителя коневодства Джесегея (Дьөһөгөй), узнав, какую миссию он себе поставил. Шаман еле оторвался от них. Дальше его едва не испепелили громы и молнии, напущенные покровителем стихий Аан Джасын (Аан Дьааһын). На высших небесах всё стало совсем сложно – лично покровитель людских судеб Чыныс Хаан на седьмом небе пытался его остановить, сжигая страницы книги судеб с судьбой шамана, но и там смельчаку удалось выжить. На предпоследнем восьмом небе шаман едва не затерялся в бесконечном лабиринте покровителя всего творческого начала Одун Хаана, но и там нашёл выход. И вот он наконец попал на девятое, высшее небо, наполненное ярким белым светом и неземной музыкой.

Всё кругом на последних небесах имело оттенки белого света, и только шаман чёрным пятном бродил по этому чистому миру. Наконец, он явился к заветному месту – трону, где восседал огромный старик в белых одеяниях, с длинными белыми волосами, белой бородой и с белым посохом в руке. Он с

удивлением и презрением посмотрел на оборванного, окровавленного и едва живого шамана, который чуть дополз до подножия трона и упал на колени перед верховным божеством.

– Что тебе нужно, средний шаман? – спросил Юрюнг Аар Тойон. – Ради чего ты нарушил весь порядок мироустройства и проделал столь долгий и запретный путь?

Шаман стал говорить. Он рассказал о том, что в срединном мире творится нечто неладное, что зло подняло свою голову и земля сошла с места, о войнах, огне, крови, мужских и женских слезах. Долго говорил, и в заключение попросил Юрюнг Аар Тойона спасти народ от этой гибели, направив вниз, на срединный мир, своих верных посланников, дабы они навели там долгожданный порядок. Юрюнг Аар Тойон молча смотрел на шамана, стоящего на коленях.

Потом он захохотал.

Бедный шаман, ничего не понимая, слушал издевательский хохот божества. Наконец, Юрюнг Аар Тойон сквозь смех проговорил:

– Земля сошла с места, говоришь? Войны, говоришь, огонь и кровь? Спасти мир от гибели, говоришь? Посланников, значит, отправить?

Он стукнул посохом, и тотчас вокруг трона принялась летать стая белых лебедей с человеческими головами. Юрюнг Аар Тойон обратился к ним:

– Ну-ка, расскажите, как там обстоят дела у моих верных посланников?

Один из лебедей сел на плечо старика и принялся говорить человеческим голосом:

– Всё обстоит лучше некуда! Ваши посланники исправно исполняют Ваш приказ. Они давно уже спустились в срединный мир, чтобы взволновать его сверху донизу, как застоявшуюся воду в кадке! О, что за дивные времена ждут мир – Вы бы видели, какие бурные вихри мечутся по нему, как горяча стала людская кровь, какая грозная заря нынче светит над горизонтом!

Юрюнг Аар Тойон посуровел и перевёл взгляд на обомлевшего шамана:

– Видишь? – грозно спросил он. – Теперь ты видишь? Теперь понимаешь свою ничтожность и тщетность своего путешествия?!

Он снова стукнул посохом и разразился хохотом:

– Маҕай аллаах! (фразеологизм, можно перевести как «Молокосос!»)

Лебеди, летающие вокруг трона, накинулись на шамана, гогоча и прикрикивая:

– Маҕай аллаах!!!

Шаман почувствовал, как всё его тело потяжелело, и он стремительно летит вниз сквозь предыдущие небеса. Очнулся на вершине священной горы, исхудавший за прошедшие дни до состояния скелета. Вокруг была звездная ночь, и только звуки волн далеко внизу нарушали покой. Шаман обречённо огляделся, подошёл к краю обрыва и бросил бубен в бушующие черные волны.

Так закончилось последнее камлание последнего по-настоящему великого якутского шамана, и больше с того дня никто из смертных воочию не видел верховное божество – Юрюнг Аар Тойона.

ИСТОЧНИКИ

Истории «Неудавшееся гадание», «Невидимый сожитель», «Абасы меня не уважает», «Бутылочные люди», «Человек без головы», «Кэрэх», «Легкие деньги», «Далёкий осуохай», «Удаганша Алысардах» являются вольными (по памяти) пересказами рассказов из книги И. М. Сосина «Истории про абасы» («Абааһы туһунан кэпсээннэр»).

Истории «У безымянной речки», «Обида Байаная», «Полная судьба», «Гонки в темноте», «Чучуна», «Вечер олонхо» являются вольными (по памяти) пересказами рассказов из книги В. С. Яковлева-Далана «Кэриэн ымыйа».

Истории «Зомби в Якутии», «Пожиратель телят», «Дорогая, я пришёл!», «Дыхание за окном», «Сундучный вечер», «Звуки ниоткуда», «Незванные гости» являются вольными (по памяти) пересказами публикаций в рубрике «Тёмная комната» («Хараҥа хос») газеты «Молодость» («Эдэр саас»).

Истории «Рыжая», «Кони», «Как становятся шаманами», «Последний» являются вольными переработанными пересказами отдельных эпизодов романа-эпопеи И. М. Гоголева-Кындыла «Чёрный стерх» («Хара кыталык»).

История «Как якут был нечистью» является вольным (по памяти) пересказом рассказа П. А. Слепцова-Ойунского «Как якут был нечистью» («Саха абааһы буолбута»).

История «Ужас в доме отшельника» является вольным (по памяти) пересказом рассказа Н. А. Габышева из сборника «Сто рассказов» («Сүүс кэпсээн»).

Истории «Лицо за деревом», «Обход», «Предвестник», «Тунгусские шаманы», «Шаманы в советское время», «Мёртвая вода», «Шаман-дерево», «Арангас», «Невыполненный завет» являются вольными пересказами народного фольклора и/или рассказов из неустановленных источников.